

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Юрий Коваль

**КУРОЛЕСОВ
и МАТРОС
ПОДКЛЮЧАЮТСЯ**

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Юрий Коваль
**Куролесов
и Матрос
подключаются**

Художник
Виктор Чижиков

Москва 2017

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глава первая

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Гражданин Лошаков бежал босиком по голому снегу.

Он направлялся в город Курск. В чистом поле, кроме снега, не было ни души. На левую пятку гражданин Лошаков натянул беспалую варежку, а правую укутал носовым платком и подвязал верёвочкой. От частых подпрыгиваний верёвочка развязывалась, и тогда приходилось останавливаться, приседая и подвязывая, и гражданин шёпотом ругал верёвочку.

Впереди заметались контуры Курска.

– Я – заместитель председателя! – вскричал Лошаков, врываясь в милицию.

Дежурный милиционер Загорулько равнодушно осмотрел гражданина сверху донизу. Верх его совершенно не интересовал, потому что и вправду был пустяковым. Ну что там особенного было наверху? Ничего заместительского, ничего председательского. Какая-то всклокоченная голова, синий нос, покатые плечи. Низ выглядел повеселее: всё-таки платок, всё-таки верёвочка и варежка, надетая не на своё место.

– Я – заместитель председателя! – настойчиво повторял Лошаков и, заметив, что слова до дежурного не доходят, сократил вскрикивания: – Я – зампред! Я – зампред!

Глава вторая

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

В те же дни и годы и примерно в тот же час в город Карманов входил человек в кожаном пальто. Возле его сапога продвигалась невысокого роста собака.

– Мало, Матрос, мало, – говорил человек невысокой собаке. – Мало что тут изменилось. В мире происходит чёрт знает что, а в Карманове всё одно и то же. Впрочем, ты давай нюхай внимательно. Нет ли чего нового?

Низкорослая рыжая собака Матрос внимательно нюхала, размышляя:

«А на кой нам пёс это новое? Нас и старое устраивает. А то понаделают повсюду нового, не знаешь, куда и нос засунуть».

Матрос по натуре был настоящим поклонником старого, особенно если в этом старом возникает что-то новое, ну вроде запаха свежих вчерашних щей в старой собачьей конуре.

Жители города Карманова – кармановцы и кармановки – осматривали человека с собакой, прикидывая, где они могли его видеть. Один специалист по кожаным пальто, которого звали Сыроежка, отметил в своём блокноте появление на улице нового изделия из кожи.

Возле магазина «Наручные и карманные часы» человек в кожаном пальто остановился. Он долго рассматривал часы, выставленные в витрине.

– Нету, Матрос, нету, – сказал человек собаке. – Ничего подобного нету.

С этими словами он вынул из кармана собственные часы, щёлкнул крышкой, и тут же раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,

И надеюсь, что это взаимно.

– Славный бимбар, – послышалось за его спиной. Сыроежка заглядывал сбоку, намётанным оком оценивая всё сразу: пальто, часы, человека и собаку.

Но больше его всё-таки интересовало пальто.

– Это хром? – спросил он, царапая ногтем рукав.

– Это сталь, – ответил человек с часами.

УТРО ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА

А утро в тот день выдалось великолепное. Доброе морозное утро: солнце и снега хруст.

«Двух баранов и четырёх гусей, – думал утром гражданин Лошаков. – Воскресенье, день базарный. Продам гусей – Сидора, Никифора, Савву и Иннокентия и двух баранов, не имеющих имени. Гусака Зобатыча пока приберегу».

Лошаков надел сапоги и тулуп, кинув связанных баранов в сани, запряг кобылу Секунду и через часок был уже в чистом поле, километрах в пяти от родной деревни Болдиново.

Гражданин Лошаков был действительно заместителем председателя колхоза «Великие Лучи» и вёз продавать колхозные принадлежности – гусей и баранов. Он надеялся выручить крупную сумму денег и купить для колхоза что-нибудь нужное и мощное, скажем, духовой оркестр.

«Кларнетистом назначим Мишку Дудкина, флейтистом – счетовода, а сам я, как зампред, буду играть на геликоне – всё-таки размер и густота звука. А председатель пускай в барабан стучит».

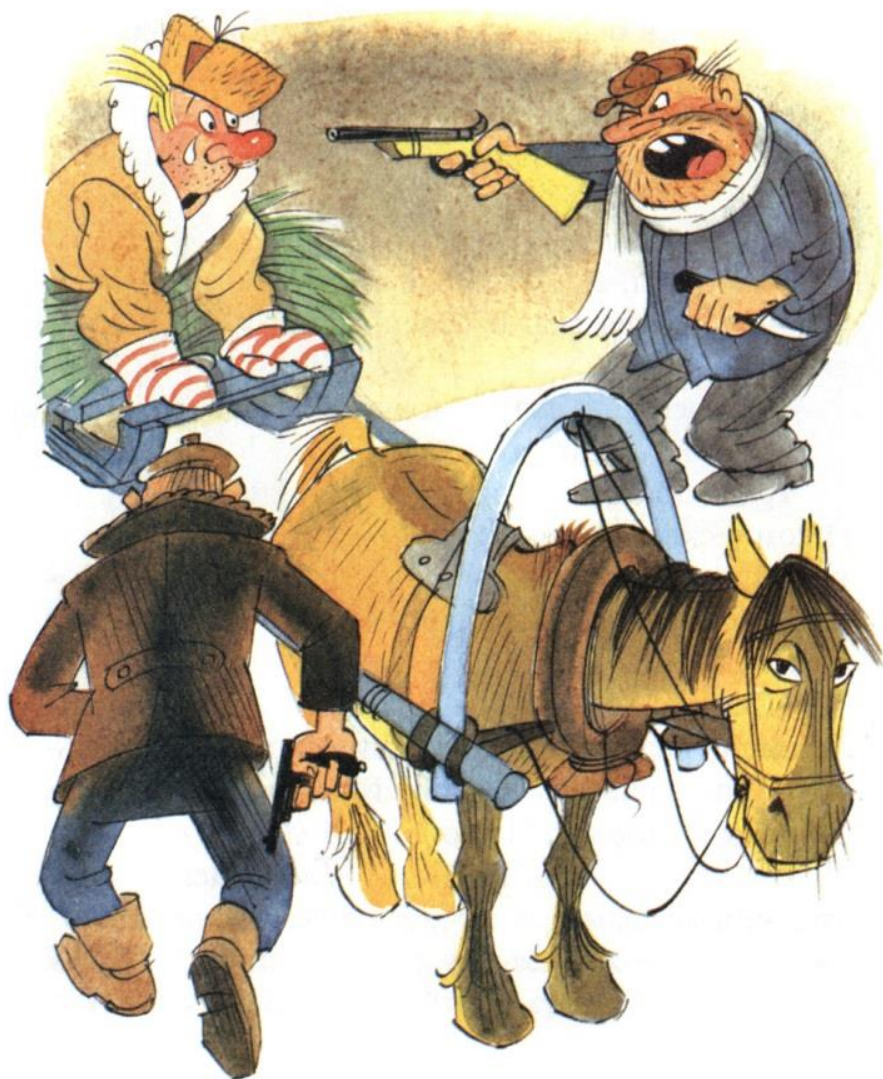
Секунда бежала, снежок хрустел, сани скользили, гуси взгагатывали в мешках, а сам Лошаков щекотал баранов и думал о своей будущей игре на геликоне. Он даже надувал щёки, заранее прицениваясь, как выдуть из геликона ноту.

– А ну-ка стой, мужик! – услышал вдруг он.

– Тпру... – сказал Лошаков, выбираясь из мечтаний и щекотания баранов.

Секунда стала.

Лошаков глянул вправо и увидел дуло нагана, глянул влево и заметил ещё одно дуло, неприятное – большое и чёрное. Это было дуло обреза.

«Неужели бандиты?» – подумал Лошаков.

– Вылазь из саней! – сказали неизвестные, которые готовились пристрелить его на месте.

– Вы что, товарищи? – спрашивал Лошаков, вылезая.

– Скидай шубу и сапоги! Скинул?

– Скинул, скинул... скидываю...

– А теперь скажи спасибо, что живым оставили.

– Спасибо, – сказал Лошаков.

– Ноо-о-о, дохлятинка!

Гражданин Лошаков остался стоять на снегу босиком и сквозь глупые слёзы следил, как два незнакомых разбой-

ника уезжают на его санях, увозя безымянных баранов, не говоря уже о шубе, сапогах и гусаках.

«Хорошо хоть Зобатыча дома оставил», – думал Лошаков, поджидая, пока грабители отъедут подальше, и примериваясь бежать в город Курск.

Глава четвёртая

ПРОМАХ ГРАЖДАНИНА ЛОШАКОВА

– **И** тогда я побежал в город Курск, – рассказывал Лошаков дежурному милиционеру Загорулько, притопывая босиком перед жёлтыми перилами.

– В Курск? – переспросил дежурный. – Вы пробежали мимо. Промахнулись.

– Как это так?

– Уж не знаю как. Очевидно, Курска вы не заметили. А это город Карманов.

– Какой ещё Карманов? Никакого Карманова на свете нет.

Дежурный засмеялся, и в самый разгар его смеха в милицию вошёл человек в кожаном пальто, а за ним и собака, которая сразу же спряталась под лавку.

– Послушайте, товарищ!!! – воскликнул Загорулько, обращаясь к вошедшему и не замечая собаки. – Вы только послушайте. Этот потерпевший уверяет, что города Карманова на свете нет! Каково?

Человек в кожаном пальто деловито улыбнулся.

– Он ещё скажет, что и города Картошина на свете нет!

Эта шутка до того насмешила дежурного, что он нырнул от смеха под прилавок, вытирая слёзы.

– Промахнулся мимо Курска, – хохотал он, кивая на Лошакова. – А теперь говорит, что Карманова на свете нет! Вот так потерпевший!

Когда дежурный отхохотался и протёр слезу, он увидел, что человека в кожаном уже нет перед ним и только босиком топчется по-прежнему гражданин Лошаков, а из-под лавки высовывается наружу неприглядный собачий хвост.

Глава пятая

ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

– **К**ак хотите, а я больше этого не потерплю! – говорил капитан Болдырев, расхаживая по кабинету. – Они уже не то что выросли! Они – распространились! Рас-про-стра-нились! Немедленно удалить!

– Товарищ капитан! – оправдывался старшина Тараканов, сидя на огромном сундуке, который имел пятерное дно и был взят недавно как вещественное доказательство. – Товарищ капитан, войдите в моё положение.

– Не войду, – жёстко отрезал капитан. – Немедленно сбрить. Прямо сейчас, на моих глазах.

Капитан открыл стол, вынул из ящика опасную бритву,

мыльный крем и помазок, которые, кстати сказать, скрывались в своё время на третьем этаже сундучного дна.

Старшина Тараканов потрогал печальным пальцем свои роскошные рыжие усы. Кажется, на этот раз защитить их не удавалось.

– Но есть ещё доводы в пользу усов, – повторял он однообразно, отодвигаясь от бритвы, которую ему подсовывал капитан.

И капитан подсунул бы эту бритву, и пришлось бы старшине проститься со своим любимым телесным украшением, если б не скрипнула дверь и не заглянул без стука в кабинет человек в кожаном пальто.

– Вам кого, товарищ? – раздражённо спросил капитан. – Здесь оперативное совещание. Закройте дверь.

– Нет, нет! – вскричал старшина. – Совещание уже кончилось. Заходите!

– А я говорю: закройте дверь!

Товарищ в кожаном некоторое время слушал эти препирательства и наконец сказал:

– Приехал подключаться.

– Что такое? – не понял капитан, вглядываясь в посетителя. – Подключаться? Позвольте, это не вы проходили по делу о краже мешка картошки?

– А также по делу о хищении телёнка гражданки Курицыной, – подтвердил вошедший, – а также по делу об убийстве инкассатора картошинского банка, а также...

– Василь Феофилович! – взревел капитан. – Неужто?

Старшина Тараканов, бледнея, поднялся с сундука и раскрыл объятия:

– Вася!

Тут капитан, старшина и человек в кожаном слились воедино в дружеском порыве, и когда милиционер Загорулько, возмущённый хвостом под лавкой, влетел в кабинет, он увидел картину, очень похожую на скульптуру «Все мы трое – одно».

И тут настало время окончательно сообщить читателю, что человек в кожаном пальто был самый настоящий Вася Куролесов.

– Подключаюсь, – говорил он, выходя из объятий кармановской милиции, – хочу подключиться!

Глава шестая

ПРЕСТУПНАЯ ЧЁРНАЯ ТОЧКА

И ведь было к чему подключаться.

Оперативная машина «газон», фырча и ворча бензиновым животом, мчалась на место преступления. Машина была выкрашена в зелёный цвет и имела на борту надпись «Изыскательская». Но это было только с одной стороны. С другой она была покрашена в синий и надпись имела «Сантехника».

Шофёр Басилов жал на педали, рядом с ним трясся ка-

питан. Гражданин Лошаков, к которому очень подходило слово «потерпевший», мучительно вздрагивал на заднем сиденье рядом с Васей и Таракановым. Потрясённый бандитским ограблением, он был ещё дополнительно ошеломлён тем, что попал в город Карманов.

«Как же это я промахнулся мимо Курска?» – мучительно раздумывал он.

– Вот оно! – закричал Лошаков. – Вот оно, место преступления!

Машина остановилась, и место преступления чуть-чуть отодвинулось, не давая колёсам себя изгадить.

В чистом поле, в чистом снежном поле лежало, как известно, место преступления. Ничтожной одинокою точкой под бесцветным небом. И ничего особенного в этом месте, конечно, не было. Только босые следы Лошакова, которые направлялись в город, как они думали, Курск, и следы санных полозьев, которые двигались в другую сторону.

– В город Картошин, – сказал старшина. – В Картошин поехали на рынок баранов продавать.

Машину развернули и поехали по следам санных полозьев в город Картошин, а место преступления осталось лежать в чистом поле под серым небом. Когда-нибудь послезавтра пойдёт снег, занесёт следы босых ног, растают к весне снега, вырастут на месте преступления клевер и ромашка девичья, и никто уже не узнает, что над ромашкою когда-то с гражданина Лошакова сняли сапоги.

«Вот так и ходи по земле, – размышлял Вася, – кто знает, простая ли это земля? А не место ли это прошлого преступления?»

Вася глядел на белые поля, на дальние деревни и видел там, вдали за снегами, колокольню, а под ней какую-то чёрную точку. И поля, и деревни, и колокольня, и особенно эта чёрная точка казались ему связанными с различными преступлениями.

– Точка, – сказал он, поднимая палец, – возможно, преступная.

– Что ещё за точка? – заворчал капитан. – Где бинокль?

Бинокль вытащили из-под сиденья, стёрли с него, так сказать, машинное масло и направили окуляры на точку, возможно, преступную.

– Санная подвода, – сказал капитан и передал бинокль потерпевшему. – Гляньте, не ваша ли?

Потерпевший долго пристраивал бинокль к носу, крутил его и вертел.

– Не пойму, моя ли кобыла? Хвост вроде тот, а баранов не видно.

До деревни Спасское, чью колокольню заприметил Вася, оставалось два километра, когда двусторонняя машина стала настигать санную подводу.

– Моя кобыла Секунда, моя! – тревожно шептал потерпевший. – И тулуп вон тот справа мой!

– Ложись! – приказал ему капитан, и потерпевшего затолкали на дно машины, где давно уже дремал Матрос.

Потерпевший съёжился рядом, что-то шепча про баранов.

Заприметив машину, санная подвода съехала с дороги. Ясно были видны два человека в санях. Один держал руку в соломе, которая прикрывала обрез, другой прятался за бараном.

– Сейчас стрелять начнут, – сказал шофёр Басилов, и старшина клацнул пистолетом.

«Вот тебе и подключился, – думал Вася. – Сейчас так ляпнут пулею в лоб – сразу отключишься... Эх, оружия у меня нет! Что делать? Остаётся одно – гипноз. Буду их гипнотизировать!»

И тут Вася предельно напряг свою переносицу, впился глазами в санную подводу, и его огромный гипноз устремился к бандитам.

Волны гипноза потянулись над снежным полем, поплыли медленно, опутали санную подводу невидимой нитью, и немедленно заснули в санях два гусака, зевнул баран...

– Слушай мою команду! – сказал капитан.

ВАРВАРЫ

– Кажись, погоня... Зря мы этого лопухого живым оставили – настучал.

– Да нет, это не погоня. Это какой-нибудь председатель колхоза едет на скотный двор.

– А я говорю: погоня! Главное – стреляй первым. Как только машина встанет – сразу по стёклам!

– Съедем с дороги в сторону... в сторону! Тпру, дохлятинка!

«Газон» настигал. Ржавый снег летел из-под его бензинового брюха. Секунда прянула влево, и сани врезались в снег. «Газон» с рёвом промчался мимо. Он ворчал и ворчал, удаляясь.

– «Сантехника», а ты говорил – погоня.

– Пронесло... – вздохнул Обрез, переводя дыхание. – Тьфу, чёрт, не пойму, что это в воздухе, нитки какие-то?!

– Паутина, что ли? – сказал и Наган, обтирая нос и лоб.

– Откуда зимой паутина?

Так и не разобравшись, откуда взялась паутина, и, конечно, не догадываясь, что это следы Васиного гипноза, они снова выбрались на дорогу и поехали к деревне Спасское. Миновали первые баньки и сараи, занесённые снегом. В деревне гоготали гусаки, из мешков сдержанно им отвечали. Было воскресенье, из-за сарая доносилась песня:

Сладку ягоду ели вместе,

Горьку ягоду я один.

На дорогу вывалились три мужика в валенках и полушубках. Они шатались и горланили про сладку ягоду. Один шапку где-то потерял, размахивал руками, оступался и падал, его кое-как подымали. Под ногами пьяных крутилась собачонка. Она повизгивала и лаяла, недовольная хозяином.

– Во ведь пьяный, – сказал Обрез, – как новогодняя ёлочка.

– Да они все как ёлочки.

И вправду, рожи у мужиков сияли и сизели, носы краснели, глаза горели.

– Эй, с дороги, варвары! – крикнул Обрез, привставая в санях.

– Милый... дай кобылу поцелую! – крикнул варвар без шапки и чуть не упал под лошадь. – Кобыл, а кобыл! Иди сюда!

И он вправду схватил кобылу под узду, чмокнул в нос.

– С дороги! С дороги! – кричал Обрез.

Пьяные расступились, а рыжая собачонка вдруг вскочила в сани и вцепилась в барана. Безымянный баран заблеял.

– Ты что это, а? Барана трогать! – закричал Наган, стараясь отодрать собаку от барана.

– Нет, я всё-таки тебя поцелую! – услышал он в левом ухе и почувствовал, как его охватили ласковые милицейские руки, а собственные его руки оказались скрученными в один миг.

– Тпру... приехали! – послышалось и в правом ухе, и Наган увидел, как обнимают варвары Обреза-напарника, а один из них, с длинными рыжими усами, тычет в нос Обрезу наган!

В город Карманов все отправились уже на двусторонней машине.

Гражданин Лошаков плёлся следом за машиной на своей Секунде. Обрез всё старался высунуться из окна и плюнуть в потерпевшего.

– Прекратите! – строго одёргивал его старшина. – Это некультурно.

Глава восьмая

СТРЕЛЯТЬ ТОЛЬКО В ЛОБ И ПО ДЕЛУ

Да, так уж сложилось дело. Обогнав бандитов, капитан Болдырев спрятал машину в деревне, за сараями. У какой-то бабки раздобыли валенки, у какого-то дедка – рваный полушубок, переоделись и вышли на дорогу встречать бандитов. Тут надо заметить, что всю операцию капитан продумал быстро и точно, но никак не ожидал, что старшина Тараканов затащит вдруг «Сладку ягоду» и станет целовать кобылу.

– И Матрос, конечно, меня удивил, – сказал капитан, когда они снова собрались в кабинете. – С чего он кинулся на барана? Это в план вроде бы не входило.

– Да нет, он кинулся на того, с наганом, – сказал Вася, – а по дороге баран его отвлёк. А вот вы, товарищ капитан, здорово придумали, я готовился брать их прямо в поле.

– Да ведь глупо: стрельба, жертвы. Проще было обогнать их и подождать в деревне.

– А я-то уж и гипноз приготовил. И уже начал, да вы мимо проехали.

– Какой гипноз?

– Свой собственный. У меня в голове гипноз очень сильный. Кого хошь могу загипнотизировать. На маму Евлампьевну, бывало, гляну, а она уж и на печку лезет. Трактористы тоже засыпают все подряд. Так и спят вповалку, пока не разбужу. Но в таком деле, как сегодня, гипноза, конечно, мало. Наган нужен. Вы бы мне уж выдали наган, товарищ капитан. Да вы не беспокойтесь, я зря стрелять не стану. Я так размышляю: если уж стрелять – только в лоб и по делу.

– Кому же это ты будешь в лоб-то стрелять?

– Ну, не знаю, кому надо. По делу.

– Ты ведь в милиции не работаешь. В штат к нам не зачислен, какой же тут наган?

– Да я мучаюсь, – вздохнул Вася. – Я ведь в колхозе тоже нужен, механизаторов не хватает.

– У Васьки всё ж таки специальность, – поддержал Тараканов. – Его надо понять. Но и в милиции, конечно, преимущества, проходишь всюду без очереди.

– Ладно, хватит болтовни! – сказал капитан. – Хочешь у нас работать – приходи и оформляйся. Не хочешь – гипнотизируй трактористов. Подключать тебя к серьёзным операциям я больше не буду. Не имею права.

– Да как же, товарищ капитан? У меня же отпуск! Меня председатель отпустил, я всю технику отремонтировал. Весь отпуск буду с вами.

– Не знаю никакого отпуска, – сказал капитан, отвернувшись к несгораемому сейфу. – Только идиот проводит отпуск в отделении милиции. Поезжайте в Сочи, гражданин. Или – в Сычи.

И тут Вася окончательно обиделся, что его называли «гражданином», хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого – только хорошее.

ПАПИРОСЫ ПЯТОГО КЛАССА

Глава первая

СЕКРЕТНЫЙ ПОСТ

У лесной дороги, что вела из города Карманова в город Картошин, в густом кабаньем ельнике лежал капитан. По другую сторону дороги, в барсучьем сосняке, таился Тараканов.

Всё это называлось – секретный пост.

«Что нам известно? – вспоминал капитан, глядя на дорогу. – А ничего нам неизвестно. Но только известно, что какие-то типы нападают в лесу на прохожих, отбирают колбасу и деньги. Колбасу тут же и съедают, а огрызки и шкурки на месте бросают».

По огрызкам капитан вычислил место для секретного поста. Его это сильно раздражало, потому что любому неприятно работать с огрызками. Правда, кроме огрызков, найден был и обрывок бумаги, на котором сохранились печатные буквы: «Пап... осы...я... к...асе».

Капитан даже вздрогнул от возмущения, когда вспомнил, какую расшифровку, не долго думая, предложил Тараканов: «Папа и осы взяли кассу»!

– Какой ещё папа? – сердился капитан. – Откуда осы?

– Чего плохого в «папе»? – спорил Тараканов. – А осы – это банда.

После дешифровки удалось установить, что это был обрывок от пачки папирос «Беломор», на которой, оказывается, и написано: «папиросы пятого класса».

– Ну, не знаю, – сказал на это Тараканов. – Я в пятом классе «Астру» курил.

Все эти воспоминания сердили капитана, но, пожалуй,

более всего волновало, что опять на шею ему навязался Куролесов. Позавчера приехал из деревни Сычи – дескать, окончательно решил вступить в ряды милиции – и тут же упросил взять его с собою в засаду. Якобы он давно не сживал ни в каких засадах и с детства мечтает в них посидеть.

«Мягкотелый у меня характер! – досадовал капитан, – Зачем я снова подключил его? Зачем?»

Конечно, капитан Болдырев сам на себя наговаривал. Характер у него был твёрдый, а Васю Куролесова он просто очень любил и знал, что на него можно положиться. Во многих делах именно Куролесов выручал капитана.

Сейчас Вася лежал в березничке и дремал, рядом с ним спал и Матрос. Так они спали и дремали, пока не послышался в лесу какой-то треск.

«Тараканов, что ль, усами трещит?» – подумал Вася, но тут же усомнился в возможности треска усов, прислушался.

Из глубины леса к дороге пробирались люди. На дороге они не стали выходить, а улеглись в кустах. Как потом подсчитали, они лежали от Васи в шести метрах.

– Васьк, – услышал вдруг Вася. – Васьк!

Куролесов уже было приоткрыл рот, чтоб гаркнуть «А?», но в последний момент удержался и приложил палец к носу Матроса.

– Васьк, – слышалось снова, – а сколько их идёт?

– Воруйнога и две вороны, – отвечал в кустах голос какого-то другого Васьки.

«Сколько же Васек на белом свете! – подумал Куролесов. – Никогда не пересчитать. Бывают Васьки хорошие, а бывают и плохие. Вот, скажем, я? Какой я есть такой Васька? Уж, пожалуй, не хуже этого, что в кустах лежит. Голос-то у меня понежнее будет. А у этого – насморк. Смешно: два Васьки в одних кустах лежат».

– Васьк, – слышалось снова. – А чего они несут?

– Узлы, Фомич, узлы.

– А чего у них в узлах-то? – допытывался надоедливый Фомич. – Хорошо бы колбаса. Я уж очень колбасу люблю.

– Ну ты, Фомич, неправ, буженина лучше.

– Мы уж сразу здесь, на месте, перекусим, а то Харьковский Пахан всё отнимет. Ему припасы нужны, уходить хочет вместе с Зинкой.

– Куда?

– В Глушково, наверно, к Хрипуну, там спокойней... тише, тише, доставай дуру.

В кустах слышался какой-то чёрный лязг, и Куролесов понял, что это лязг нагана, когда взводят курок.

«РИДИКЮЛЬЧИК»

По лесной дороге шли три человека: две бабы в чёрных платках, сильно и вправду смахивающие на ворон. С ними стучал костылём и размахивал авоськами одноногий инвалид, которого назвал Васька «Воруйногою». Все они тащили узлы и рюкзаки, разные сумки. Как видно, в Карманове они славно потрудились, походили по магазинам, потолкались в очередях и теперь возвращались домой, в деревню.

– Ты чего несёшь в узле-то, Натолий Фёдорыч? – спрашивала одна ворона Райка у Воруйноги. – Колбасу, что ли?

– Ага, Райка, колбасу варёную. Я её уж очень люблю. А ты чего несёшь?

– И я варёную. Потом баранки, пряники. Я это всё тоже очень люблю.

Другая ворона, Симка, в разговор не встревала, но тоже несла в узле баранки и колбасу варёную и, похоже, тоже всё это любила. Ещё она несла, прошу заметить, сумку, в которой была бутылка постного масла. Эту сумку ворона Симка для чего-то называла «ридикюльчик». В ней, кроме постного масла и пряников, лежал остаток в двадцать рублей.

Так, любя колбасу варёную и баранки, они шли через лес и забот не знали.

Как вдруг заботы дали о себе знать.

Из кабаньих еловых кустов на дорогу выскочили два человека, один с наганом, а другой с дубинкою в руках.

– Стой! Руки вверх!

– Ой, батюшки-радители! – заголосила ворона Райка.

– Не ори! – прикрикнул на неё Фомич и показал дубинку. – Чего в узлах? Колбаса?

– Колбаса, варёная, – испуганно пояснила Райка.

– А у тебя чего в портфеле? – сказал Фомич, щупая «ридикюльчик».

– Чего? – мрачно отвечала Симка. – Чего надо!

– А ну открой портфель, спекулянтка! Скорее открывай, а то сейчас пулю в лоб получишь.

И Васька с насморком погрозился наганом.

– Да на, смотри, грабитель, шелудивый пёс! Смотри!

И ворона Симка вынула бутылку постного масла, и Фомич сунул свой нос в «ридикюльчик». Он живо выхватил оттуда облитой пряник, сунул его в рот и принялся жевать, продолжая рыться в «ридикюльчике». Пряник был

облеплен какими-то нитками и крошками. Фомичу пришлось отплёвываться:

– Тьфу-тьфу...

Глава третья

БУТЫЛКА ПОСТНОГО МАСЛА

Куролесов по-прежнему таился в траве.

– Появишься в крайнем случае, – сказал ему капитан.

– А какой же случай будет крайним? – спросил тогда Вася.

– Сам соображай.

И вот теперь Вася лежал и соображал, какой сейчас происходит случай? Вроде бы два негодяя отнимают колбасу у честных тружеников – явный крайний случай. Ну а вдруг потом будет ещё и другой случай, ещё крайнее?! Очень может быть. Если так уж твёрдо рассуждать, то за всяким крайним случаем обязательно лежит другой, ещё крайнее, и к нему обязательно надо готовиться, а то, если первый крайний случай тебя не возьмёт, следующий доконает.

Вася ясно видел, как ворона Симка открыла свой «ридикюльчик», как Фомич сунул туда нос, как зажевал пряник. Этот случай пока ещё не был крайним, жевание пряника – дело житейское.

– Ого! – сказал Фомич. – Тут и денежки имеются! Двадцатки! – И он вынул двадцатку из «ридикюльчика» и сунул в карман.

В этот самый момент послышался железный голос, который прозвучал в специальный звукоусилитель-мегафон-двадцать четыре:

– Это что за безобразия???

Слово «безобразия» в исполнении усилителя прозвучало особенно страшно – «безо-зобо-барази-рази-азия»!

На дороге возник капитан Болдырев в полной милицейской форме с большим и тугим револьвером в руке.

– Вооружённый грабёж?! – грозно сказал он, строго ступая по дороге, – Бросай оружие! Вы окружены!

– Руки вверх! Бросай оружие! – закричал и Тараканов, выбираясь на дорогу из сосняка.

Фомич и Васька заоглядывались, ничего, кажется, не соображая.

– Двое сбоку! – закричал Фомич. – наших нет!

И в этот момент Симка подняла в воздух бутылку постного масла и грянула Фомича по башке. Бутылка кокнулась, и Фомич пал на дорогу, безвольно дожёвывая пряник.

Васька с наганом стал нажимать курок, да что-то заело, выстрел никак не раздавался. Он явно забывал смазывать оружие. Воруйнога звучно хрякнул и ударил по нагану ко-стылём.

– Взяли нас! Взяли нас, Фомич! – закричал Васька, па-дая на колени.

И тут их вправду взяли, и Вася Куролесов видел, как их повели, и слышал, как ворона Райка говорит:

– У меня тоже есть постное масло, да я достать не успела.

– Ты уж мне отлей хоть с четвертинку, картошку не на чем жарить, – ворчала Симка. – Я своим постным маслом вашу жизнь защищала.

«Пожалуй, дело кончено, – думал Куролесов. – Край-него случая больше не представится. Надо выходить».

В кустах позади него хрустнула веточка. Вася оглянул-ся.

ПРИДИРКИ КАПИТАНА

– Запропастился! – сказал капитан. – Просто запропастился! Другого слова не подберёшь.

– Куда девался Вася? – тревожно шевелил усами Тараканов. – Куда запропастился?

Капитан нервничал, и в такие минуты его особенно начинали сердить усы Тараканова. Так и сейчас он прошёлся по кабинету и вдруг остановился возле усов.

– Пора, кстати, вернуться к разговору насчёт ваших усов, – сказал он. – Опять они были не к месту.

– Да как же так?

– А так. Мы с вами на дороге должны были появиться одновременно, а вы задержались на пять секунд.

– Да, наверно, часы...

– При чём здесь часы? Я сам видел, как вы зацепились усами за сосенку и выпутывали их пять секунд. Я нарочно засёк время. Да вон и сейчас в них ещё торчат сосновые иголки.

Усы старшины немного подёрнулись золотой смолой и смахивали издали на сосновую ветку, подсвеченную солнцем.

– Так это же нарочно, товарищ капитан, – оправдывался Тараканов. – Это же маскировка, военная хитрость...

– Сосновая ветвь в милицейской фуражке – дикое и тупое зрелище, – веско перебил его капитан.

Несколько секунд они молчали, и старшина виновато вынимал из усов иголки специальными щипчиками для колки сахара.

– Вы проверили, что курят задержанные?

– Проверил. «Памир» и «Астру». Папирос пятого класса нету.

– А ведь должны быть!

– Вы знаете, товарищ капитан, что я думаю? – спросил, наконец, старшина. – Что случился крайний случай.

– Какой же крайний случай?

– А такой, очень простой. В кустах был третий с папиросами пятого класса, и он Васю, возможно, топориком.

– Почему топориком? Каким топориком?

– Не знаю, но мне почему-то кажется... топориком.

Глава пятая

КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

Тень, какая-то тень скользила от сосны к сосне, доплыла до ёлочек, легко поползла к дороге.

Человек с квадратной головой, как потом подсчитали, прополз от Васи в двух шагах, дополз до пня и, прикрываясь обломком сосновой коры, выглянул на дорогу.

Медленно, неторопливо, обстоятельно он вынул из-за пазухи пистолет, положил его на пень и стал целиться в кого-то на дороге.

С дороги между тем доносились слова:

– Всё постное масло об него изгадила.

«Какая башка квадратная! – думал Вася, – Пожалуй, это и есть тот Харьковский Пахан, про которого Фомич говорил. Вот он, крайний-то случай. Надо прыгать!»

И Вася сжался в тугую милицейскую пружину, и уже чуть-чуть разжался, и даже почти полетел по воздуху, чтоб рухнуть на плечи квадратной головы, но тут квадрат убрал пистолет, бесшумно плюнул и пополз обратно через лес. От сосны к сосне, от берёзы к берёзе он переполз весь перелесок, пересёк на четвереньках гороховое поле и очутился на окраине города Карманова на улице Сергеева-Ценского, дом 8. Через три минуты, как потом подсчитали, возле этого дома был и Вася Куролесов, а с ним молчаливая собака Матрос.

Дом номер 8 выглядел одноэтажно, с терраской. Откуда-то из форточки сильно пахло табаком, пожалуй что и пятого класса.

Матрос, который всё это время помалкивал, неожиданно заскулил, закрутился у Васиных ног, не желая, чтоб хозяин заходил в этот дом.

А занавесочка-то, занавесочка! Занавесочка с плюгавенькими рыжими цветочками на окошке дома вдруг шевельнулась, и какой-то сорочий глаз из-за этой выглянул занавесочки и вперился в Васю.

И тут Вася шепнул потихоньку Матросу:

– Беги в отделение!

Ну что тут оставалось делать собаке? И Матрос побежал исполнять этот тихий приказ.

Конечно, любая другая собака на месте Матроса стала бы спрашивать, зачем да почему? Возникла бы перепалка хозяина с собакой, что нередко ещё бывает на улицах Карманова и других соседних городов. Это всегда выглядит как-то неприлично, стыдно становится и за хозяина и за собаку.

А Матрос не стал спорить. Отбежав на другую сторону улицы, он, шмыгая носом, наблюдал за своим хозяином.

Вася пошёл к калитке, не зная и не соображая, что будет сейчас делать. А сорочий-то глаз тянул, притягивал, манил из-за этой поганенькой занавесочки.

Понимал, конечно, Василий Куролесов, что идёт он к дому напрасно и зря, что на самом-то деле надо бы ему, а не Матросу бежать в отделение и рассказать капитану про Зинку и Харьковского Пахана. Да ведь «они» могут за это время из дому уйти, а то, что в доме, от которого пахло папиросами пятого класса, были «они», Вася не сомневался.

И он стукнул в дверь. Подробно стукнул. Условным как бы стуком.

Дверь сразу открылась, и баба с вострым носом и сорочьим глазом сказала:

– Ну?

– Зинка? – так же прямо и грубо спросил Вася.

– Ну?

«Попал, – мелькнуло в голове. – В точку».

– Позови Пахана, – сказал он.

– Чего? Какого Пахана?

– Харьковского.

– А ну вали отсюда, пока цел, – проворчала Зинка.

Но тут огромная и ноздреватая объявилась за Зинкиной спиной квадратная будка с двумя отверстиями для глаз и кнопчным носом. Будка что-то жевала, во рту у неё гремял какой-то железный сухарь. Кроме грома сухаря, пыла-

ла в этом рту и папираса, в которой Вася сразу признал пятый класс – «Беломор».

– Пахан? – спросил Вася.

– Ну? – ответила Будка.

– Да что это вы всё «ну да ну». Баранки гну. Не хотите – не надо, я пошёл.

И тут же рука с лопатными ногтями ухватила его за шиворот, втащила в дверь и расставленно, с угрозой промычала:

– Ну?

Пора было что-то отвечать, и Вася помигал глазом, понизил голос и сказал:

– Я от Фомича. Его взяли.

– Где видел?

– В отделении. Так вот, велел передать, чтоб уходили послезавтра.

– Послезавтра? – удивился Пахан-Будка-Квадрат. – Почему послезавтра?

– Завтра-то он ещё будет держаться, а уж послезавтра расколется. Он сам сказал: «Продержусь сутки, а потом расколюсь».

– Ага-ага! – закивал башкою Пахан Харьковский. – Расколется, значит, гад. А ты по фене ботаешь?

– Чего?

– Ты по фене ботаешь?

– Я-то ботаю, – ответил Вася, – А ты-то как?

Глава шестая

ПОЛЁТ МИЛИЦЕЙСКОГО ПРЕСС-ПАПЬЕ

Известная нам двусторонняя оперативная машина недавно вернулась из ремонта. Она так и осталась двусторонней, только вместо слова «Изыскательская» написали теперь «Спецобслуживание», а вместо «Сантехники» – «Гостелерадио».

– Оставили бы «Сантехнику», – ворчал Тараканов. – На сантехника я ещё более-менее похож, а на телекомментатора не слишком. Тут уж вы, пожалуй, товарищ капитан. У вас глаза цвета «маренг».

– Сбреете усы – сразу станете телезвездой, – обещал капитан.

Машина мчалась в кармановский ельничек, в барсучий соснячок на розыски пропавшего Куролесова. Но как потом подсчитали, ровно через три минуты после того, как она умчалась, в отделение милиции города Карманова вбежала рыжая собачонка с невзрачным колхозным хвостом. Если б хвост у неё был более городским или дежурный милиционер Загорулько более деревенским, дело могло кончиться иначе. Дежурный хотя бы задумался, где её хозяин? Он, конечно, прекрасно вспомнил, что это собака Васи Куролесова, но никакого уважения к ней не испытал, тем более что и сам-то Куролесов дежурному не нравился. Слишком уж нахваливал его старшина.

И Загорулько топнул на собаку сапогом, ударил по столу пухлой папкой протоколов, а потом схватил эдакое пресс-папье и метнул его в собачонку с криком: «Долой животных из отделения!»

Пресс-папье в полёте развалилось на составные части. Деревяшки и бумажки посыпались-полетели на пол, и перепуганный Матрос влетел в камеру предварительного заключения, из которой только что выпустили гражданина Сыроежку.

– Вот и посиди там, – сказал Загорулько. – Подожди хозяина. – И он защёлкнул камеру на ключ.

Матрос заметался по камере, вспрыгнул на нары и встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до решётки окна. Но и человек-то до неё не мог дотянуться, куда уж тут собаке с деревенским хвостом!

С десяток минут Матрос беспокойно метался по камере. Он не выл и не лаял, он – метался. Вдруг почувствовал

что-то родное, знакомое, снова вспрыгнул на нары, прижался к потёртой стене и успокоился.

Не знаю уж, про что он думал, но скорее всего, что собаке срока не пришлют. Над ним на стене виднелась полустёртая надпись: «Вася и Батон тянули здесь...» Далее надпись совершенно стёрлась, и чего они здесь тянули и сколько вытянули, было никому не известно.

Глава седьмая

ПОДРУЧНЫЕ СРЕДСТВА

В это время, задыхаясь, спотыкаясь и чертыхаясь, старшина Тараканов продирался по кармановскому ельнику. За ним неторопливо шагал капитан. Старшина шёл зигзагами или, как он говорил, «собачьим челноком», а капитан выдерживал прямую линию.

Прямая капитанская линия привела к носовому платку, который лежал на траве. В уголке платка был вышит маленький розовый поросёночек.

– Васькин фирменный знак, – заметил старшина.

– Кажется, дело чрезвычайно опасное, – задумчиво сказал капитан. – Платок – для нас.

– Платок платком, а больше ни следочка. Эх, сам ведь я научил его двигаться бесследно!

– Должен быть след, – уверенно сказал капитан. – Куролесов не дурак, он должен использовать подручные средства. Уж если он оставил носовой платок, он нам весь путь покажет.

– Не знаю, какие у него ещё остались подручные средства, – сказал старшина. – Брюки, что ль, снимет? Иль ботинки?

– Тебе-то было бы легче, – заметил капитан. – Протянул ус от дерева к дереву, на пару километров хватит.

Старшина закашлял, достал из кармана маленькую

подзорную трубу и принялся осматривать местность. Он знал, конечно, в каких случаях капитан переходит на «ты». В нехороших.

– Вижу подручное средство, – доложил старшина. – Вон оно – на дереве висит.

Шагах в тридцати от них на сосне висел гриб-маслёнок, нахлобученный на сучок.

– Не белочка ли? – засомневался капитан Болдырев.

– Может, и белочка, а скорее васькина лапа.

Они подошли к маслёнку и вдруг увидели впереди, на другой сосне, новый маслёнок. Старшина снял первый маслёнок с сучка и положил его в кепку, снял второй и тут же увидел третий. Скоро в кепке его было уже десятка два отборных маслят, потом пошли подосиновики и подберёзовики, два моховичка, пара хорошеньких белых.

– Вы что, солить их будете? – спросил капитан.

– Солить не солить, а на жарено тут наберётся.

ВАСЯ БОТАЕТ И ЧИРИКАЕТ

Рука с квадратными ногтями втащила Васю в сени, без всяких затруднений проволокла по коридорчику, спустила по крутой лестнице куда-то вниз, в район погреба.

– Пстой! Пстой! – тормозил Куролесов каблуками. – А в чём, собственно, дело? Не время шуток.

Квадратная Будка сопела, протаскивая его через ящики и бочки. Где-то наверху вспыхивал и возникал Зинкин сорочий глаз:

– Осторожно! Осторожно! Бутыль не разбей. Не опрокинь бак с огурцами!

Но бак, за который Вася зацепился карманом, всё-таки опрокинулся, полился из бака укроп с рассолом, а в укропе, в хреновом листу, как рыбы в водорослях, скрывались огурцы. Они попрыгали из бака, захлопали хвостами, разбежались по полу.

– Только не по огурцам! Только не по огурцам! – кричала сверху Зинка. – Огурцы перетопчете!

Но Вася чувствовал, что его тащат всё-таки по огурцам, они лопались под каблуками, как рыбы пузыри.

Тут вдруг выскочила откуда-то трёхлитровая стеклянная банка, блеснул в сумраке погреба бутылочный бок, кривая трещина перечеркнула стекло, банка развалилась и жутко, страшно таинственно в погребе запахло маринованным чесноком.

– Чеснок??? – орала теперь сверху Зинка, – Маринованный чеснок разбил?!

Наконец, Васю плюхнули на ящик. У ног его взвизгивал чеснок и подло ворчали уцелевшие огурцы. И Вася понял, что, если уж вокруг него опрокидывают огурцы и бьют чеснок, дела его плохи.

– Осторожно! Чеснок! Огурцы! Осторожно! – орала

Зинка, заглядывая сверху в погреб. Её кудлатые космы свешивались в погреб, как абажур.

– Чё! – грозно прикрикнул Пахан, выталкивая абажур наверх.

– Не понимаю, – сказал Вася, отдышавшись, – За что ко мне такие применения? Я же всей душой и телом, а меня чесноком душат.

– Так ты по фене ботаешь?

– Ботаю. Изо всех сил ботаю.

– А по-рыбьи чирикаешь?

– Чирикаю.

– Врёшь, скворец! На бугая берёшь! Порожняк гоняешь! Лапшу на уши двигаешь!

– Не двигаю, не двигаю я лапшу! – закричал Вася, потому что увидел, что Пахан сунул руку в карман, в котором тяжело болтался пистолет.

«Ну, попал! Вот уж попал-то! – лихорадочно думал Вася. – Феня – ведь это бандитский язык, а я-то его не знаю, не ботаю и не чирикаю. Что ж делать-то? Гипноз! Скорее гипноз!»

И он сморщил переносицу, но гипноз, собака, никак не появлялся, затаился, напутанный запахом чеснока.

«Ну тогда разумом, тогда разумом, – думал Вася. – Возьму его разумом, неожиданной мыслью. Задавлю интеллектом».

– За что такие придирки? – высказал вдруг Вася эту неожиданную мысль, – Почему глубокое недоверие? – продолжал он давить интеллектом. – Я же предупредил, меня же и угнетают!

– Феню не знаешь, – сказал Пахан и покачал квадратною будкой. – Ну скажи, что такое «бимбар»?

– Так вот же он, бимбар. Вот он! – И Вася вынул из кармана часы.

– А ну дай сюда.

Пахан схватил часы, щёлкнул крышкой, и часы взыграли:

*«Здравствуй, моя Мурка,
Здравствуй, дорогая.
Здравствуй, а, быть может, и прощай...»*

И здесь автор должен, конечно, отметить редкую способность знаменитых часов: приспособляемость к обстоятельствам.

– Мурку играют? Всё равно, твоё-то время истекло. – И Пахан сунул часы в собственный карман. – Не знаю, откуда ты, да только мне ты живой не нужен.

Он зевнул и достал пистолет. И самое страшное показалось Васе именно то, что он зевнул.

– Нет, нет, – сказал Вася. – Я ещё живой пригожусь.

– Только не мне, – сказал Пахан и сразу нажал курок.

Грянул выстрел – и пуля-дура полетела в открытую Васину грудь. И последнее, что слышал Куролесов, был глупый и неуместный сверху крик:

– Только не по огурцам!

Глава девятая

УХОДЯЩАЯ ГАЛОША

По маслятам да по моховикам капитан со старшиною добрались до улицы Сергеева-Ценского.

– Помню, брали тут двух самогонщиков, – сказал старшина. – Трудное было дело: они из самогонных пулемётов отстреливались, но мы их пустыми бутылками забросали...

– Ищите след, – прервал капитан неуместные воспоминания. – Грибов больше не видно.

– Как же не видно? Вон он гриб, висит на заборе.

На заборе висела свинуха, тот самый гриб, который называют дунькой и лошадиной губой.

– Из-за этого самого забора они нас сивухой поливали, – задумчиво вспоминал Тараканов. – Инспектор Нахабин в обморок упал, но мы...

– Хватит, – сказал капитан. – Ищите следующий гриб.

Но больше, сколько ни оглядывались, грибов они не нашли ни пустым глазом, ни подзорной трубою. Единственное, что бросалось в глаза, была рваная галоша, лежавшая посреди дороги.

– Прекрасно помню эту галошу, – сказал старшина. – Она как раз болталась на ноге у самогонщика, когда инспектор Нахабин достал пистолет, но полковник Двоеку-

ров сказал: «Не стрелять», – и галоша от ужаса упала. Только раньше она валялась вон там, у забора. Так-так... Это Васькина лапа! Галоша как подручное средство! Талантливый паренёк! Нам надо идти в направлении галоши.

– Пошли, – сказал капитан.

И они двинулись в ту сторону, в какую как бы шла эта галоша.

– Интересно, что будет дальше? Опять галоша?

– Ну нет, – сказал старшина, – вторая галоша осталась у самогонщика. Когда полковник Двоекуров приказал брать их живыми, мы с инспектором короткими перебежками...

– Хватит о самогонщиках! – приказал капитан. – Ищите след!

– Слушаюсь... так что второй галоши не будет... молчу, молчу... Итак, Куролесов хватает первое попавшееся под руку. Ему некогда, он торопится, надеясь на нашу смекалку. А уж смекалка-то у нас есть. У нас много смекалки. Вот глядите – консервная банка! Вот она где, смекалка-то!

– Не вижу здесь особенной смекалки, – заметил капитан. Он, кажется, немного ревновал к такой большой таракановской смекалке.

Кроме того, капитан чувствовал, что Тараканов своей неумеренной смекалкой защищает право на ношение рыжих усов.

– Баночка лежит ненатурально! Она лежит донцем к нам, а дыркою чуть правее. Надо и нам подаваться правее.

Они подали правее и скоро наткнулись на бутылку из-под «Нарзана», чьё горлышко забирало ещё правее.

– Так, – сказал старшина, – глянем по направлению бутылочного горлышка. Так, так. Улица Сергеева-Ценского, дом 8.

– Надо проверить, – сказал капитан.

Здесь автор должен на всякий случай отметить, что капитан и старшина были в штатском.

– Нехороший дом, – сказал капитан, принюхиваясь, – от него чем-то пахнет.

– Не укроп ли?

– Да нет, чесноком и, кажется... порохом.

– Папиросы пятого класса... вон окурок валяется.

Долго и нудно капитан стучал в дверь. Профессиональный стук капитана растряс английский замок, в нём что-то пискнуло, и дверь отворилась.

Капитан осторожно ступил в дом. Усы Тараканова потянулись за ним. В сенях было пусто. Оцинкованные баки валялись в углу и разбитые умывальники, а в комнате капитан сразу увидел большой шкаф-гардероб.

В шкафу что-то слышалось и шевелилось.

«Там кто-то есть!» – знаками показал капитан Тараканову, который постепенно всасывался в комнату.

«Надо брать!» – ответил усам старшина.

«Валяйте!» – взглядом приказал капитан.

Старшина подкрался к шкафу, распахнул дверь и просто крикнул:

– Вверх!

И тут же из шкафа – руки вверх! – выступил человек с небритым подбородком.

– Меня сюда запрятали, – сказал он улыбаясь.

– Кто вы? – сбоку с револьвером в руке спросил капитан.

– Я – Носкорвач. Носки рву. Мне мама как купит носки, два дня поношу, глядишь – уже дырка на пятке. «Тебе, говорит, надо железные носки». Но я и железный разорву. Пойдёмте в шкаф, я покажу, сколько там рваных носков валяется. Даже неудобно.

Минуты через три, как потом подсчитали, капитан Болдырев и старшина Тараканов поняли, что перед ними круглый сумасшедший. Он совал им под нос рваные носки, зазывал их в шкаф, просил подобрать пару какому-то подозрительному носку в полосочку – в общем, валял большого дурака.

– Слушай, Носкорвач, – раздражённо сказал старшина,
– кто тебя в шкаф запрятал?

– О! – напугался Носкорвач. – Это большая тайна!

Тут он принялся раскачиваться, читая стихи Редьярда
Киплинга:

*Это рассказывать надо
С наступлением темноты,
Когда обезьяны гуляют
И держат друг другу хвосты...*

А вы ведь не обезьяны, – неожиданно трезво заметил он. –
Вы – оперативники, вам рассказать я никак не могу.

– Мы тебе новые носки подарим, – заманивал старшина.
– С шерстяною пяткой.

– Правда? – обрадовался Носкорвач. – Ну, тогда скажу: «Пахан». Только мне носки сорок третьего размера.

– Для тебя хоть сорок четвёртого.

– Ну, тогда я всё расскажу. Пришёл человек. А Пахан чай пил. Вот они вдвоём и убежали, а меня в шкаф запрятали. «Сиди, говорят, пока за тобой не придут». Нет ли у вас пирожка с печёнкой? А ещё я люблю жареные грибы, и вообще мне надо побольше снеди. У вас есть снедь?

– Снеди нету! – строго отвечал старшина.

– Как же так? Оперативные работники, а снеди не имеют! Странно!

– Куда же они убежали? – спросил капитан.

– Туда, где шарики катаются.

Глава десятая

ВЗГЛЯДЫ В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ

Пуля-дура, как уже говорилось, вылетела из пистолета и полетела в открытую Васину грудь. Быстро, стремительно преодолевала она сантиметр за сантиметром и скоро должна была вонзиться в сердце.

Она летела и по дороге немножечко умнела. Не всякая же, чёрт возьми, пуля – дура! Я знаю, кстати, немало дур, но не все же они – пули!!!

Надо сказать, что эта пуля была умней других, интеллигентней. Она понимала, что вонзаться в грудь беззащитного Васи нехорошо, подло, безнравственно, в конце концов. Она хотела немного изменить направление, да сделать это было очень трудно.

«Пороховые газы толкают, чтоб им пусто было, – думала пуля, летя. – Вася, Васенька, увильни. Ну хоть на пару сантиметров».

И Вася почувствовал её немой призыв, дёрнулся в сторону и потерял сознание, а пуля пробила его пиджак и

вонзилась в грудь брюквы. Как потом подсчитали, она пробила одну за одной 49 брюкв и два кило моркови.

Вася дёрнулся и затих.

– Этот готов, – сказал Пахан, схватил совковую лопату и завалил Васю брюквою.

Муть, великая муть навалилась на Васю. Брюква погребла его тело, великая муть окутала душу. И тяжело стало его душе. Она металась, раздваивалась и не знала, как дальше быть. И особенно отчего-то тяжело было этой душе, что перед нею в будущем только два пути: или работать трактористом, или идти в милицию. Где же третий настоящий, истинный путь? Ну, не под этой же тяжёлой и грязной брюквой?!

И тут мы, конечно, должны отметить, что Васина душа была не права. Ну чего такого плохого работать в милиции? Ходи себе да арестовывай, кого надо. Никакого особого напряжения, не дрова колоть. Или трактористом – сидишь да пашешь! Красота! Не права была душа, потрясённая выстрелом, вовсе не права.

Пока душа его металась и размышляла, сам Вася был совершенно без сознания. Он ничего не осознавал, кроме того, что его всё-таки убили.

«Неприятно-то как!» – думал он.

Наверху над ним кто-то топал, бухал, потом всё затихло.

Тьма и тишина погреба убаюкивала Куролесова, он лежал не шевелясь, пока не услышал какой-то шорох. Не мышка ли?

Вася отодвинул бровью брюковку со лба, высунул наружу живой глаз, но мышку не увидел.

Беспробудная тьма окружала Васю, и холод, тусклый холод пронизывал его насквозь, гнилой холод, нехороший. В холоде очень хотелось есть, и Вася стал грызть огурцы и отвратительно-сладкую брюкву.

«Капитан-то, конечно, найдёт меня, – думал он, – Найдёт, если будет от платка танцевать».

Этот возможный танец капитана и старшины слегка успокаивал душу, но холод проникал в грудь, и Вася замерзал, чувствуя, что превращается в брюкву.

«А Матрос? – думал Вася. – Где же Матрос? Он-то мог бы хоть подкоп сделать».

Конечно, Вася не знал, что Матросу надо было делать два подкопа. Сам он по-прежнему сидел в камере предварительного заключения и раздумывал на тему: можно ли собачьим носом прошибить бетонный пол?

«Как жалко, что человеческий глаз не видит ничего в темноте! – печалился Вася. – Сова видит, а я – нет. Надо бы научиться, натренироваться».

От нечего делать он яростно стал напрягать зрение, но не виделось ни зги.

«Начну с малого, – думал Вася. – Попробую увидеть собственную руку».

Он поднёс пальцы к носу, и долго-долго нахмурил брови, и вдруг разглядел что-то, не поймёшь что.

«Мираж! – подумал Вася. – Какой-то мираж!»

Но нет, это был не мираж, это был ноготь большого Васиного пальца. Тот самый знакомый ноготь, аккуратно постриженный в прошлом году садовыми ножницами, когда все трактористы обрабатывали колхозный сад.

«Боже мой! Неужели это он! – восклицал про себя Вася. – Неужели у меня появляется ночное подвальное зрение?»

Тут Вася покивал себе ногтем и стал напрягаться дальше. Скоро в поле напряжённого зрения появился указательный палец, за ним средний, безымянный. Только мизинец никак не поддавался.

«Тонковат», – думал Вася.

Примерно через час взгляд его добрался до мизинца, и Вася приказал зрению двинуться дальше, напрямик, к бочке с капустой. Зрение двинулось, рассекая темноту.

Бочка долго не объявлялась. Наконец, что-то задрожало

ло, замаячило бочкообразное вдали, но виделось призрачно, зыбко и шатко. То и дело возникали какие-то продолговатые помехи.

«Тут уж не до чёткости изображения», – рассуждал Вася, обретающий ночное полутелевизионное зрение.

Вдруг он услышал какой-то шорох. Кто-то корябался внизу, под брюквой. Неужели Матрос? Неужели подкоп Матроса под погреб?!

Тут брюква зашевелилась, и из неё высунулось – о боже! – неужели такая огромная крыса?! Что это? Какой Матрос? Какой подкоп?

Ночным своим почти уже совсем телевизионным голубым зрением Вася увидел руку! Человеческую руку, которая, разбрасывая брюкву, тянулась к нему. На этой руке блистал серебряный перстень с бирюзой!

Ужас охватил Куролесова. Никогда прежде он не видел таких рук, торчащих во мраке погреба. А рука лезла всё дальше и дальше, потом появилась и вторая рука, и кудлатая голова подземного существа.

Существо вылезло из брюквы, отряхнулось и, шаря руками в темноте, сказало тоненьким голосом:

– Где же тут огурцы?

Жутко и жалко прозвучал этот вопрос в сырости погребов, и Куролесов ответил на него по-своему.

Он сжался в пружину и прыгнул. Пролетев по воздуху тридцать четыре, как потом подсчитали, сантиметра, он обрушился на подземное существо.

И тут раздался такой крик, какого ни я, ни Вася, ни вы, дорогие читатели, больше никогда в жизни не услышите.

РАЗДВОЕНИЕ ОБЛАКА

Глава первая

ПОИСКИ ПРАВДЫ

Криво, друзья мои, криво и неласково складывалась в этой жизни судьба полузабытого нами гражданина Лошакова.

Ну, во-первых, баранов и гусей он так и не продал, да ещё, вернувшись в родную деревню, сдуру принялся рассказывать о том, что вместо Курска попал в город Карманов.

– Какой ещё Карманов? Да такого города на свете нет!

– Эдак вы скажете, что и города Картошина нет?! – пытался защищаться Лошаков.

– И Картошина нет! – уверяли его на правлении колхоза и даже подсовывали карту области, на которой и вправду два таких мощных пункта, как Карманов и Картошин, были почему-то опущены.

– Дайте карту мира! – требовал Лошаков, но такой карты ему не дали и дружно исключили из заместителей председателя. И согласитесь: что это за заместитель, который бегаёт босиком по снегу в несуществующие города?

– Нам, председателям, такие заместители не нужны! – сказал председатель.

У Лошакова отобрали подведомственных гусей и баранов, увели кобылу Секунду, оставив только гусака Зобатыча.

– Нету, Зобатыч, правды на земле, – говорил гражданин Лошаков, глядя гусаку прямо в глаза, – нету.

Так с гусаком на коленях он просидел печально всю зиму, понимая, что правды нету. К весне, однако, стало

ему казаться, что небольшое количество правды всё ещё находится в городе Курске, в руководящих местах. И он решил, как только подсохнут дороги, бросить на время гусака, сесть на велосипед и двинуть в Курск отыскивать правду.

И вот подсохли дороги. Лошаков выехал на просёлок, выбрался с просёлка на шоссе и сразу увидел табличку:

«ДО КУРСКА 100 км»

Он твёрдо нажал на педаль, закрутились-засверкали серебряные спицы, и под вечер Лошаков подобрался к другой табличке:

«ДО КУРСКА 1 км»

Здесь он передохнул, закусил редиской, причесался, оправил на груди галстук, чувствуя, что правдой попахивает всё сильнее и сильнее.

Так он проехал три километра, но никакого Курска нигде не встретил. Крайне обеспокоенный отсутствием Курска, Лошаков жал и жал на педали. Наконец, вдали показались новостройки, и велосипед рванулся к ним. Возле новостроек топтался у столба какой-то прохожий.

– Товарищ! – задыхаясь крикнул гражданин Лошаков, – Это что за город?

– Да это не город, – равнодушно ответил прохожий, продолжая топтаться у столба, – это пригороды города Карманова.

– Я это предчувствовал, – прошептал про себя Лошаков и пнул ботинком велосипед, который завёз его неведомо куда.

Возле «Пельменной» гражданин продал неверный свой велосипед каким-то тёмным личностям за тридцатку и зашёл в заведение.

«Нету правды, – нервно думал он, – нету!» Пельмени между тем в городе Карманове оказались отличные – большие, сочные, ушастые.

Лошаков съел три порции, чувствуя, что какое-то количество правды появляется в его организме. Выйдя на улицу, он увидел надпись «Бутербродная», и, хотя после пельменей есть бутерброды казалось ему непростительной неправдой, он всё-таки зашёл и съел парочку с ветчиной и семужьим боком.

Когда же он вышел из «Бутербродной», ему бросилась в глаза совсем уж неправдивая вывеска – «Компотная». Но сухофрукты, из которых сварен был компот, оказались однако натуральными. Лошаков попил компотику и пошёл дальше по кармановским заведениям, чувствуя, что правды в его душе прибывает.

Побывал он:

в «Чайной» и «Кисельной»,

в «Арбузной» и «Фужерной»,
в «Бульонной» и «Винегретной»,
в «Кильковой» и в «Тюльковой»,
в «Парикмахерской» и в «Прачечной»
и, наконец, побритый и подстриженный, отстиранный и
отглаженный, верящий в правду и совершенно, простите,
обожравшийся, он оказался перед вывеской «Бильярдная».
И гражданину Лошакову захотелось сыграть.

Глава вторая

ТЯГА К СОЛЁНЫМ ОГУРЦАМ

Царапалось и кусалось, отбиваясь от Васи, подземное существо.

– Отпусти, отпусти... я за огурцами... я за огурцами, – верещало оно.

– За огурцами? – удивился Вася и ослабил хватку.

Он пытался разглядеть, что же такое держит в руках, но его ночное подвальное, почти телевизионное зрение отчего-то закончилось, очевидно, от слишком крупных подземных переживаний.

– Как ты сюда попало?

– Да через дверь в подклети. За огурцами я... Шурочка я.

Да, друзья, ни Вася, ни автор, ни Квадратный Пахан не знали и не слыхивали, что в подвале имеется потайная дверь, заваленная брюквой. Знала об этом только Зинка, у которой и была дочка Шурочка, проживающая в городе Картошине. Эта Шурочка и получила в один прекрасный момент телеграмму:

«УЕХАЛА НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ ПОЛЬЗУЙ-
СЯ ОГУРЦАМИ ЧЕРЕЗ НИЗ

ЦЕЛУЮ МАМА»

И Шурочка пожелала маминых огурцов, которые славились посолом, и поехала в Карманов.

И здесь автор и читатель должны быть потрясены. Как же так? Мама даёт телеграмму об огурцах, совершенно забывая, что вместе с огурцами Шурочка найдёт убитое тело мёртвого человека. Автор не понимает, как это сделалось возможным. Очевидно, в голове у Зинки были только огурцы.

И вот теперь Шурочка сидела на полу погребка и плакала, а её держал за локти Василий Куролесов, который снова начинал обретать подземное зрение и угадывал в Шурочке девичьи приметы.

– Отпусти, не убегу, – сказала Шурочка. – Тебя как звать?

– Вася.

– Ты что? Тоже за огурцами?

– Да нет... я так... за брюквой... Выведи меня на свет.

Они вылезли на свет, и Вася был совершенно ослеплён тусклыми лучами солнца, которые еле пробивались через крапиву и бурьян. Взор его никак не прояснялся. Ночное зрение не хотело уступать дорогу дневному.

Вася долго махал у носа пальцами, и, наконец, что-то кривое стало вырисовываться перед ним, и он различил крайне неприятную блондинку, которая, кстати, не показала ему такой уж неприятной, как кажется автору.

Наоборот, блондинка Шурочка показала ему более менее сносной в смысле взора.

– Так ты что ж это? – спросил Вася. – Огурцы любишь?

– Дико люблю! – воскликнула Шурочка. – Солёные, чтоб хрустели.

– А помидоры солёные любишь?

Шурочка задумалась, прикидывая что-то в уме, и, наконец, толкнула Васю кулаком в грудь:

– Уй, ну ты что! Конечно, люблю!

Нет, она определённо нравилась Васе всё больше и больше. Когда она говорила об огурцах, глаза у неё загорались. С помидорами такого не случилось, блеска не бы-

ло, но всё равно мелькало в глазах что-то очень осмысленное.

– Да откуда же ты тут взялась? – воскликнул Вася.

– Уй, Васьк, да что же ты говоришь? Я ведь Зинкина дочка.

Вася вздохнул и гулко подумал:

«Во как!»

Глава третья

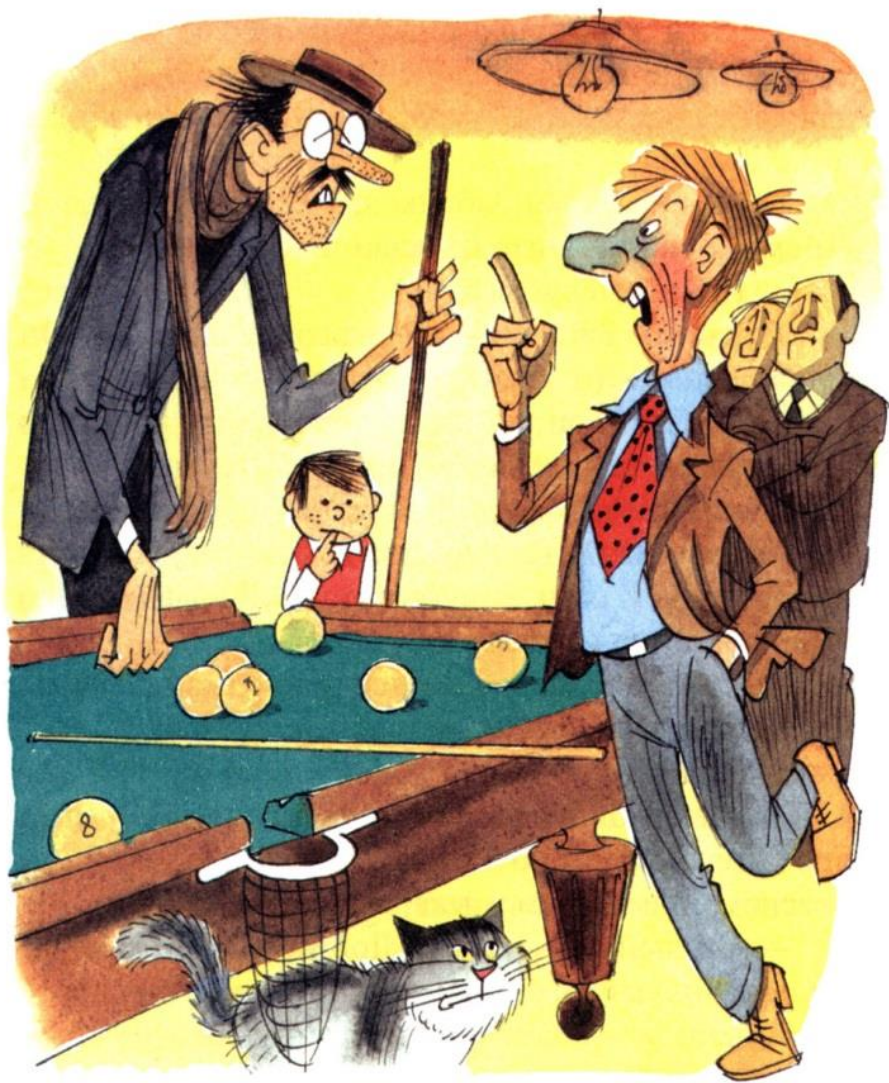
БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ

Тёплые жёлтые шары, вырезанные из мамонтовой кости, с номерами на слоновьих боках с грохотом сталкивались между собой, бились о тугие борта, мягко и тяжело катились по зелёному сукну. Изредка они падали в лузы, и вздрагивала тогда сеть, затягивающая лузу, вздувалась, поглощая шар.

Необыкновенно длинный, похожий на чёрного журавля человек держал в руках кий, тыркал им изредка в шары, приговаривая:

– По три рублика! По три рублика! Два шара форы!
Это разумное предложение не вызывало пока никакого отклика. Зрители жались к стенам. Они явно боялись играть с Журавлём.

– По три рублика! По три рублика! – приглашал Журавель, и, наконец, к бильярдному столу подошёл сутулый и синеносый человек, в котором читатель с интересом и любовью узнал бы гражданина Лошакова.

– По три рублика! – сказал ему Журавель.

– Это – неавторитетно! – парировал гражданин Лошаков.

– И два шара форы!

– Это кто тут кому даёт фору? – спросил Лошаков, глядя в потолок. – Это вы мне даёте фору, товарищ Журавлёв? Так я её не принимаю. Я предлагаю вам сыграть не на три рубля, а на сто.

Здесь автор должен отметить, что скромный, в сущности, гражданин Лошаков, наевшись, делался нескромным и даже нагловатым. Но сто рублей он, действительно, в потайном кармане на всякий случай имел. На всякий случай, если отыщет правду. Ему отчего-то казалось, что, если правда вдруг найдётся, сто рублей никак не помешают.

Чёрный журавель, между тем, неуверенно вертел в воздухе кием. Он опешил. Он явно не ожидал от синеного гражданина столь делового предложения.

– Моя фамилия Зябликов, – единственное, что он смог пока ответить гражданину Лошакову.

– Принимаешь вызов?

Журавель Зябликов смешался и замялся. Он явно не знал, что делать. Длинными тонкими пальцами перебирал он кий, на котором было написано «Зябликову от Кудасова» – редчайший, доложу вам, кий, таких киев, подаренных великим бильярдистом Кудасовым, на свете почти нет.

Зрители у стен зашушукались. Журавлю надо было достойно ответить.

– Дайте мне мел! – торжественно сказал Зябликов, и Лошаков парировал:

– Бери!

Журавель Зябликов взял мел и ловко спиралью прокатился мелом по кию, а это означало на кармановском бильярдном языке, что вызов принят.

– Стольник! – сказал Лошаков, выхватил из кармана цельную сторублёвку, помахал ею перед носом партнёра и соперника и сунул деньги в среднюю лузу. – Остальные лузы пусты. Где ваши деньги, товарищ Журавлёв?

– Моя фамилия Зябликов, – парировал Журавель и стал вынимать из кармана трёшки. С грехом пополам их набралось на тридцатку. Тут он полез в глубоко потайные карманы и наскрёб ещё пару рублей.

– Маловато, – отметил Лошаков.

– Остальное под честное слово.

– Ну это уж нет. Оценим ваши носильные вещи. К примеру, часы. Это будет авторитетно.

Общество, стоящее у стен, оценило часы в тридцатку.

– Недостача, – сказал Лошаков, – нужно ещё сорок рублей.

– Ставлю кий, – сказал Журавель, засовывая трёшки и часы в угловые лузы. – Надеюсь, кий от самого Кудасова что-нибудь стоит?

– Кий – это палка, – сказал Лошаков. – Для меня он ничего не стоит. Ладно, играй, длиннорукий, прощаю тебе сорок рублей. Итак, сто против шестидесяти, но с одним условием: на эти сорок рублей мне позволяется хамство.

– Как так? – удивилось общество.

– Очень просто. Я ставлю сто, а он всего шестьдесят. И вот на эти сорок рублей я имею право ему хамить, а он должен разговаривать со мною на «вы» и называть меня «дорогой сэръ».

– Но в нашем советском обществе не принято таких слов!

– А мне наплевать, приняты они или не приняты. Сорок рублей недостача, а вы ещё толкуете? Сто против шестидесяти и хамство против «дорогого сэра»! Принимаешь вызов или нет?

Чёрный Зябликов побледнел, бильярдная гордость пронзила его, выпрямляя с хрустом позвоночник.

– Ладно, вызов принят. Но поскольку игра ещё не началась, я скажу, что вы хам, дорогой сэръ! Я разбиваю!

– Валяй, дубина, – равнодушно согласился Лошаков.

Пожалуй что как раз в этот момент, совершенно неза-

меченные, в бильярдную проникли капитан Болдырев и старшина Тараканов. Впереди них плёлся Носкорвач.

– Вот, – тревожно шептал он, – вот где шарики катаются.

Глава четвёртая

УТОМЛЕНИЕ ХРУСТАЛИКОВ

Непонятно, что всё-таки случилось с Васиным зрением?!

Лично я полагаю, что хрусталики его глаз чудовищно переутомились, искривили свои кристаллы и разные сетчатки, пытаясь овладеть ночным подвальным зрением.

Он сидел сейчас в зарослях бурьяна, в дебрях пустырника и глядел на Шурочку как на исчадие некоторой красоты. Поверьте мне, опытному детскому писателю, никакой красоты в Шурочкиной внешности не обреталось. И в глазах ничего не было, кроме жажды огурцов. Но Васе она нравилась всё больше и больше.

Куролесов понимал, что сейчас настало время объяснений, и лихорадочно обдумывал, кем назваться: трактористом или милиционером? Пожалуй, всё-таки трактористом, а? Ей-богу, трактористом как-то проще, а?

– Ну ты что сидишь? – сказал он, толкнув Шурочку локтем в бок. – Пришла за огурцами – валяй, набирай. Банка-то у тебя есть?

– Да они ведь в баке.

– Из бака они вывалились. Поняла? Во время рукопашной.

– Какой рукопашной?

– А ты что ж думала, в погреба попадают просто так? Туда попадают после рукопашной.

– Да? – туповато протянула Шурочка. – А ты кто?

– Я-то? Да я – тракторист.

Тут Вася почувствовал, что разговор пошёл по идиот-

ской дорожке, и решил свернуть на асфальтовый проспект разума.

– Иди за огурцами, – сказал он, ткнул Шурочку локтем, пожалуй так и не обнаружив пути на асфальт.

Шурочка послушно уползла в погреб, и Вася глянул ей вслед искривлённым кристаллом хрусталика.

И тут он увидел лодыжки её ног. Они были необыкновенно прекрасны и тонки.

«Во лодыжки!» – гулко ахнул он про себя.

Пока Шурочка ползала, Вася обдумывал, как связно изложить присутствие тракториста в подвале после рукопашной, но голова и разум, заключённый в ней, отказывались помочь ему в этом деле.

Шурочка между тем выползла назад теми же лодыжками вперёд. Она волокла за собою бак.

– Полбака огурцов осталось, – сказала она, обращаясь к Васе.

И тут опять хрусталики, опять кристаллики Васины возмутились в хорошую сторону. Очень хороша показалась ему Шурочка, бесовски хороша. И тут автор должен всё-таки попытаться описать Шурочкину внешность, которую он охаял, не вдаваясь в подробности. Владимир же?

Итак, нос! Поверьте, маловато интересный. Ничего

римского, ничего греческого. Ни на курочку, ни на уточку, ни хотя бы на свистульку он не был ни капельки похож. Такие носы, не похожие ни на что, произрастали только в городе Картошине. Впрочем, если читатель очень уж хочет, чтоб я с чем-то сравнил этот нос, – пожалуйста... Нет, не могу, стесняюсь. Перейду лучше к глазам, хотя и не тянет. Ой, не тянет! Ну ладно, глаза у Шурочки были цвета... какого же? Ясно, что не морского и не бирюзового, они были цвета тряпочки, которая висела на заборе рядом с тем бурьяном, в котором они сидели... Тьфу! Сдаюсь! Чтоб я ещё раз взялся описывать женскую внешность!..

Ладно, перейду к описанию действий.

Действий, впрочем, никаких не было. Шурочка жевала огурец и глядела на Васю.

– Одного не пойму, – сказала она, – как же так? Ты тракторист и вдруг после рукопашной попал в подвал? Как? За что? Зачем?

Вася тревожно замер. Ответить на эти вопросы было, конечно, невозможно. Но тут в голове у него что-то сверкнуло, в глазах помутилось, и он ответил просто и гениально, снимая сразу все вопросы и размышления.

Он тронул Шурочку за лодыжку и сказал:

– Саша! Я вас люблю!

Глава пятая

БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ

(Продолжение)

Шары скатили в середину бильярда, накрыли их деревянным треугольником, выравнивая пирамиду.

Журавель наточил мелом кий, сложил из кисти левой руки какую-то немыслимую дулю, сунул в дулю кий и тыркнул по шару. Стремительно покатился шар по зелёному сукну и врезался в пирамиду. Она развалилась от

удара, и два шара сразу провалились в лузы, забытые мятыми трёхрублёвками.

– Неплохо начал, куриный крючок! – сгрубил гражданин Лошаков. – Я и не думал, что такой пачкун на что-то способен. Бей дальше, но прежде скажи мне «дорогой сэр».

– Не скажу, – ответил Зябликов, сжав зубы.

– Тогда игра недействительна! Сейчас же выковыриваю из лузы сторублёвку и иду пешком в город Курск. Говори, свинья двухмордая!

– Дорогой сэр, – скрипя сердцем и нервами, сказал Зябликов и снова ударил в шар.

На этот раз удар не получился. «Двухмордая свинья» сделала своё чёрное дело. Шары бестолково потолкались друг о друга и стали по местам. Для Лошакова образовалась самая настоящая подставка! Бильярдисты меня понимают!

– Какой мелкий таракан! – приговаривал Лошаков, намусоливая мелом кий. – Пельмень с камнем! Дуб! Не понимаю Кудасова! Как он мог подарить кий такому мракобесу?!

Наевшись, Лошаков всегда обнаглевал до безумия.

– Смотри, свисток! – кричал он Зябликову с другой стороны бильярда, – Смотри, блокнот кооператора! Сейчас я ударю и с твоей, с позволения сказать, «головы» посыплется прах! Только попрошу над бильярдом не сорить. Отойди в угол, к урне и сыпь прах там.

Так разговаривал гражданин Лошаков, обходя бильярдный стол со всех сторон, а бить по шару он никак не собирался. Наконец, всё-таки приложился, прицелился основательно, вздохнул и сказал:

– Нет, не могу. Стыдно играть против такого млекопитающего настоящим кием. Дайте мне половую щётку.

И он схватил половую щётку, стоящую у стены, приложился и вмазал – и шар влетел в лузу.

Дикий рёв раздался в бильярдной, и под этот рёв Лошаков загнал щёткою в лузы ещё два шара.

Зябликов омертвел.

– Не знаю, чем дальше бить, – жаловался Лошаков ревущим и стонущим зрителям. – Даже играть щёткой против этого паразита – роскошь. Дайте мне стул и оторвите от него ножку. Буду играть ножкой стула. Впрочем, не отрывайте, я буду играть цельным стулом.

И он взял стул и стал прикладываться к шару стулом.

– Ножки уж больно кривые, – рассказывал он зрителям. – А ничего не поделаешь, против этого натюрморда

надо играть кривым предметом. Сейчас ударю, только пускай он снова скажет «дорогой сэръ».

– Не скажу, – сжав зубы, пробормотал Зябликов. – Игра аннулирована!

– Э, нет, нет! – заорало общество, из которого Зябликов повынимал в своё время немало трёхрублёвок. – Сдался! Сдался!

– Если сдался – деньги мои! – сказал Лошаков. – А если играешь, говори «сэра». У, какие глаза! Как помоями налиты! Говори!

– Я не сдался, дорогой сэръ, – сказал Зябликов. – Бейте!

– Сейчас вдарю! Вдарю стулом по твоим трёхрублёвым нервам! У тебя ведь и вся душа стоит три рубля! Не больше, никак не больше! Бью по трём рублям! Играю свояка!

С огромным стулом на плече Лошаков прицеливался особенно тщательно, да и шар-то был трудный, свояк.

– Тишина в павильоне, – приказал Лошаков. – Я готов! Замите! Мотор!

Все замерли, и Лошаков легко катнул стулом шары. Шар с номером на боку 13 повлёкся по зелёному сукну, стукнулся об шар с номером 8, отскочил от него и медленно провалился в лузу, где лежала лошаковская сторублёвка.

Обвал воплей рухнул в бильярдной. Шара, забитого стулом, кармановцы ещё не выдвали. Они кинулись обнимать Лошакова, тискали его и целовали, требовали автограф, приглашали в театр. Многие просили подержаться за стул. Трогать понапрасну победный стул гражданин не позволил, сел на него, успокаивающе замахал ладонью:

– Должен передохнуть... нервное перенапряжение... Чем играть дальше – вот вопрос. Нет ли у кого зубной щётки?! Или урной попробовать? Дайте урну!

В этот момент триумфа и славы на плечо гражданина Лошакова легла тяжёлая и властная рука и послышался хриплый стальной голос:

– Урны не надо! Ваши документы!

ЗВУКИ БАКА

– Когда же? – спросила Шурочка.

Она прижимала к груди эмалированный бак с огурцами и глядела на Васю.

– Чего когда?

– Когда полюбил?

– Да пока ты ползала взад-вперёд. Нахлынуло.

– Тогда ползём вон туда, – сказала Шурочка, и, толкая перед собой бак с огурцами, она поползла на четвереньках в ту сторону, где бурьян был погуще.

Вася тронулся за ней. Вставать на ноги, подниматься во весь рост было неловко. Влюблённые, казалось им, должны ползти. Забравшись в глубину бурьяна, девушка оглянулась.

– А я что тебе, понравилась, да? Хочешь огурца?

– Очень понравилась. Хочу.

– И ты мне понравился, – сказала Шурочка, выбирая огурец поукропистой. – Потом понравился, когда я поползла назад с баком. Ты так жутко на меня глядел.

Вася и сейчас глядел на неё самым неожиданным образом, и Шурочка глядела в ответ, а в воздухе над ними что-то происходило, что-то шевелилось, возникали какие-то запахи и дуновения, какая-то пыль, отблески и дрожь. Всё это, взятое вместе, постепенно складывалось в небольшое облако, которое всё расширялось, расширялось. Скоро это было уже совершенно круглое облако, которое имело полтора метра в диаметре. Это было облако взаимной любви, которое и колебалось над бурьяном.

Когда облако окончательно сформировалось, Шурочка достала из бака ещё один огурец, обдула его, обтёрла, кокетливо поцеловала этот огурец и, хихикнув, протянула Васе. Куролесов схватил огурец, бешено откусил с хру-

стом, прожевал, проглотил и, чувствуя, что становится круглым болваном, поцеловал огрызок огурца и передал через бак даме.

Прикрыв глаза, она многозначительно заглотила остатки поцелуев.

– А мама дала мне телеграмму: приезжай за огурцами. Ну я и поехала, а ты там, в погребе, вот уж не ожидала.

– Да и я-то сижу, зрение в темноте тренирую, вижу – рука! Ну, думаю – надо кидаться! Кинулся, а это – ты! Я и влюбился!

Тут Вася придвинулся к девушке поближе, хотел её обнять, да бак с огурцами мешался. Он отодвинул бак, но Шурочка вернула бак на место. Тогда Вася обеими руками обхватил и Шурочку и бак. Бака попало в его объятия побольше. Куролесов изловчился и через бак поцеловал девушку в щёку.

– Убери бак, – сказал он.

– Ни за что.

– Так и будем разговаривать? Через бак?

– Ага, – хитрила Шурочка.

– Ну ладно, согласен, – сказал Вася, а сам хитроумно пополз вокруг бака к ней, но она уползла на другую сторону.

– Давай ещё по огурчику, – сказала она.

Пыльные цветы бурьяна склоняли над ними свои буйные головы, и случайные прохожие никак не могли понять, что за звуки доносятся из придорожной канавы. А это был хруст огурцов и поцелуи. А уж редкие гулкие звуки – это были удары Васиной головы об бак.

Глава седьмая

БИЛЬЯРД ПО-КАРМАНОВСКИ

(Окончание)

– **Нет! Нет!** Я требую урну! – кричал гражданин Лошаков, вырываясь из рук старшины Тараканова. – Я буду играть с ним урной.

Зрители в бильярдной в первую минуту не могли сообразить, что, собственно, происходит? Почему этот длиннорыжеусый схватил вдруг мастера ударить стулом по шару?

Первым сообразил дело журавель Зябликов. Он вдруг нервно принялся выковыривать из луз свои часы с трёшками.

– Кажется, облава! – прошептал кто-то.

– Облава, облава! – шёпотом закричали зрители. – Берут всех подряд! – И зрители брызнули из бильярдной.

Зябликов кинулся к двери, но не смог пробиться сквозь человеческую пробку и, спотыкаясь об кий от Кудасова, выпрыгнул в окно.

– Стой! – орал вслед ему Лошаков. – Держи его! Да я его этажеркой обыграю! Умывальником!

– Спокойно, гражданин! Стоять! Руки! Руки! – Старшина быстро пробежал пальцами по пиджаку и другим карманам гражданина Лошакова. – Спокойно, гражданин, стоять!

– Стою, стою, – отвечал Лошаков. – Чего тебе надо?

Гражданин Лошаков совершенно ничего, что происходит, не понимал и сообразить не мог. И только тревожная мысль, что правды на свете нет, приходила ему в голову.

– Товарищи оперативники! – сказал Носкорвач, подойдя вплотную к Лошакову. – Это грабитель Пахан, я узнаю его.

– Молчи, цыц! – сказал капитан Болдырев, обходя и разглядывая Лошакова со всех сторон. Первым делом почему-то он оглядел его ботинки, вперился в глаза, и в них почудилось ему что-то родное. – Так, – сказал капитан. – Дело об угоне кобылы и снятии сапогов. Гражданин Коровий?

– Лошаков, – сказал Лошаков. – Отдайте столярник.

– Эх, Носкорвач, – сказал капитан, – обманул, значит? Невинного нам подсунул? Так?

– Конечно, подсунул, – радостно засмеялся Носкорвач, – обманул. Обязательно обманул. Как же мне вас не обмануть-то, таких доверчивых? Оперативников обманывать – моя гордость, моя радость.

– Со следа свёл? – вскричал Тараканов.

– Обязательно свёл! – веселился Носкорвач. – Я ведь камикадзе. Знаете, у японцев были такие камикадзе? Их сажали в торпеду, и они мчались на корабль. Они корабль взрывали, но и сами, конечно, отдавали концы. Вот и я в конце концов взорвусь. Правда, я – кармановский камикадзе, торпеды у меня нету – шкаф с носками.

Носкорвач размахивал рукавами, но тут в бильярдную быстро влетели два милиционера и увели его под крики: «Осторожно, взрываюсь!»

Капитан со старшиною кинулись на улицу, прыгнули в

двустороннюю машину и помчались на улицу Сергеева-Ценского. Они ворвались в дом, рухнули в погреб, разбросали брюкву, выскочили на улицу через потайную дверь и остановились около бурьяна.

Над бурьяном висело странное облако. Абсолютно круглое и мутное, оно имело в диаметре около трёх метров. Из-под облака, откуда-то снизу, доносились гулкие, как удар колокола, звуки.

– Кто-то бьётся головою в бак, – предположил Тараканов.

– Проверьте, – сказал капитан, – только осторожно.

Старшина вынул наган и двинулся к бурьяну...

А покинутый милицией гражданин Лошаков долго ещё стоял у бильярдного стола, глядел на стул, которым забил немыслимого свояка, вспоминал минуты своей славы и триумфа.

Потом он покачал печально головой, прощаясь с бильярдной, вышел на улицу и отправился куда-то, вероятно, разыскивать всё-таки город Курск.

«Хорошо, хоть стольник вернули, – думал он, – Да и на сорок рублей удалось, пожалуй, нахамить. Одна «свинья двухмордая» червонца стоит».

Глава восьмая

КАПИТАНСКИЙ КАШЕЛЬ

Облако, странное облако висело над бурьяном. То, казалось, в облаке этом мелькает радужная пыль, то вроде моль, то мыльные пузырьки или цветочки липы.

Но не было в облаке ни моли, ни пыли, в нём были только чувства. Это облако состояло из чистых человеческих чувств, прозрачных и нежных, в которых не было ничего мутного, ничего пыльного. Это было облако истинной и внезапной любви.

Обойдя облако слева, старшина Тараканов раздвинул бурьян и даже не понял поначалу, что он увидел. Он отпрянул и нервно взвёл курок, а после снова сунул в бурьян усы. Приглядевшись, он сообразил, что видит двух человек, которые обнимают большой оцинкованный бак. И один из них, в котором старшина с трудом узнавал Куролесова, бьётся в бак головой, приговаривая:

– Но я же люблю, люблю!

Боком-боком старшина вывалился из бурьяна и обратился к старшему по званию.

– Разрешите доложить, – шёпотом сказал он, убирая оружие. – Там Куролесов бьётся головой в бак. С ним какая-то баба белого цвета.

– Что за белая баба? – вздрогнул капитан и решительно шагнул в бурьян.

Довольно скоро, впрочем, он вышагнул обратно, зацепив известное нам облако правым плечом.

– Мда... – сказал он, – непонятная история... неясно... неясно...

– Кажется, они борются за обладание баком, – предположил старшина. – Возможно, в баке находится что-то ценное, какая-нибудь важная улика. Вот Куролесов и вцепился в бак.

– Вряд ли, – сказал капитан. – Слышите? Они целуются!

– Фу, неловко-то как! – застыдился старшина. – Ой, как мне неудобно!

– Надо его оттуда как-то вызвать. Только поделикатней.

– Хотите, я его кашлем вызову?

– Как это?

– А вот так: кхе-кхе-кхе... – И старшина деликатненько закашлял.

Некоторое время они поджидали, какое впечатление произведёт таракановское «кхе-кхе-кхе». Никакого эффек-

та не последовало, только раздался особенно гулкий удар в бак, от которого облако любви подпрыгнуло повыше.

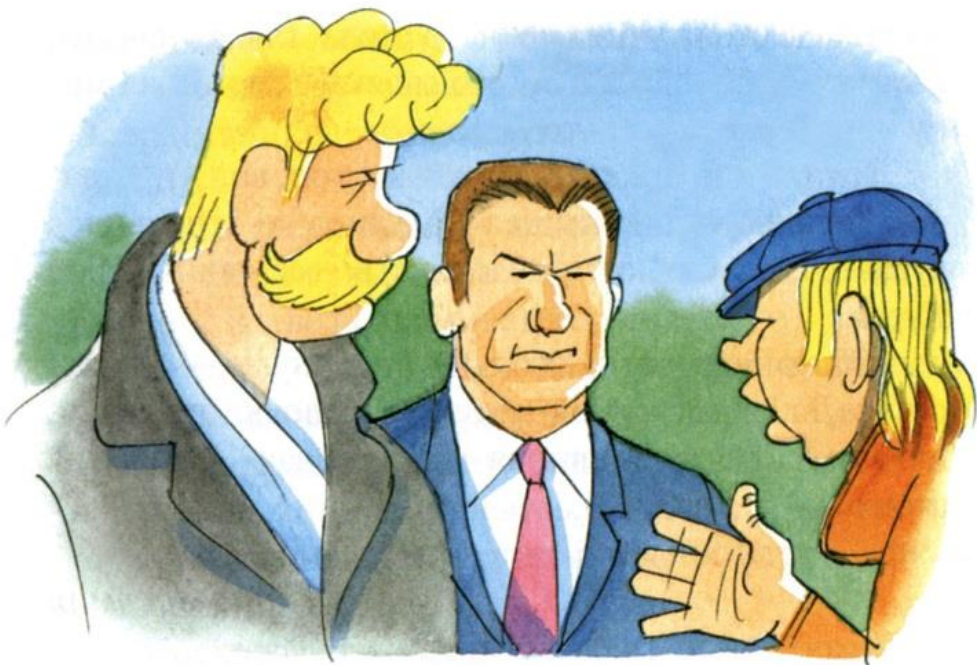
– Чего тянуть и кашлять? – раздосадованно сказал старшина. – Пойду сейчас и арестую обоих, а бак отберу как вещественное доказательство.

– Товарищ старшина, вы эти старые методы бросьте. Сейчас не те времена. Ладно, я сам кашляну, чёрт подери!

Капитан набрал в грудь воздуха и что есть силы кашлянул:

– Гррррхххммм!

Через две, как потом подсчитали, секунды из бурьяна выкатился всклокоченный Куролесов. Он растерянно озирался, дожёвывая очередной огурец.

– Товарищ капитан, – сразу, с ходу начал он, – нужно срочно в Глухово. Они ушли в Глухово к Хрипуну. Это ведь был сам Харьковский Пахан.

РАЗДВОЕНИЕ ОБЛАКА

Вытягивая за собою бак, из бурьяна вскорости выбралась и Шурочка.

– Вась, это кто же? – изумлённо спросила она.

– А это наш председатель колхоза, – сразу нашёлся Куролесов, делая капитану бровями знаки-намёки, – а уж это бригадир – товарищ Тараканов.

– Уй, какие усы! – засмеялась Шурочка. – Вась, отрасли себе такие!

– А вас как звать-величать? – по-председательски строго спросил капитан.

– Шурочка я. Александра.

– Хорошее имя, – одобрил бригадир, довольный похвалю в адрес усов. – Бодрое имя! Как у Пушкина!

Шурочка потупилась в сторону бака.

– Где проживаете? – спросил председатель.

– В городе Картошине. Улица Сергеева-Ценского, 8.

– Позвольте, позвольте, это в Карманове улица Сергеева-Ценского.

– У нас тоже. Мы от Карманова не отстаём.

Старшине Тараканову хотелось задать какой-нибудь вопрос, желательно колхозно-бригадирский.

– А как у вас в Картошине с картошкой? – деловито осведомился он.

– Хорошо, – обрадовалась Шурочка. – Из Кашина привозят. Синеглазку. Ну, такую картошку с голубыми глазами.

– Вы любите синеглазку? – кокетничал старшина.

– Уй! Натурально!

– Да-да! – сказал капитан. – Синеглазка хороший сорт, но нам сейчас не до картошки. Мы ведь по срочному делу. – И тут капитан хлопнул Васю по плечу. – Надо налажи-

вать механизацию. Понял? Поехал в Карманов, а технику не отремонтировал? Нехорошо, товарищ!

– Да как же товарищ ка... председатель. Редуктор перебрал и гусеницы откувалдил.

– Многое, очень многое нам ещё надо откувалдить, дорогой товарищ.

– Ты уж, Васёк, прости, – встрял и Тараканов, – но я, как бригадир, должен поддержать товарища ка... председателя. Кувалдить так кувалдить!

– Давай, давай, Вася, срочно прощайся с гражданкой... машина ждёт. Вы уж простите, Александра, Вася у нас мастер, без него как...

– Как без пассатижей! – подсказал старшина новую техническую мысль.

– Шура, – сказал Вася, – пойми... отойдём в бурьян.

Они отошли в сторону, и облако заколебалось, заволновалось.

– Ты, главное, не беспокойся, – говорил Вася. – Поезжай в Картошин и будь в Картошине. Я тебя найду. Только в Картошине будь. И оставь для меня в баке хоть пару огурцов.

– Обязательно, обязательно оставлю. Килограмма два, точно.

Вася оттолкнул бак, крепко обнял Шурочку и выбежал из бурьяна.

И облако немедленно разделилось на две части. Одна часть полетела за Куролесовым, а другая осталась на месте. Когда-нибудь они снова воссоединятся, найдут друг друга, сольются в одну большую грозовую тучу, и тогда разразится такая гроза, такой грохнет гром...

Отчего-то взгрустнулось Шурочке. Вася ведь ей и вправду понравился. Хороший всё-таки, чувствуется, парень. Конечно, он всё врёт, никакой он не тракторист и в подвал попал неизвестно почему. А эти, конечно, не колхозники, а скорей всего оперативники, да ведь не в этом дело. Дело в том, что парень хороший.

– Ладно, – решила она, – поеду в Картошин и буду ждать.

И она поехала в город Картошин с остатками облака над головой и с огурцами в баке и терпеливо ждала. Ждала и ждала. Долго.

Глава десятая

ХРИПУН

Шофёр Басилов, дремавший в двусторонней машине под газетой «Вечерний Карманов», был мигом разбужен.

– Глухово! – крикнул старшина ему в ухо.

– Спокойнее, – поморщился капитан. – Глухово – тихое слово.

– Там был третий в кустах, – скороговоркой докладывал Куролесов. – Я – за ним. Он – меня в погреб. Я – прошу слова! Он – пистолет! Выстрел! Смерть!

– Налево... направо... – командовал старшина, – проедем Спасское... вот и Глухово.

Машину повернули к деревне бортом «Спецобслуживание», а капитан и старшина стали переодеваться. Под задним сиденьем нашлись драные телогрейки, ржавый топор, пила. Переодевшись, помазав немного лбы свои машинным маслом, Болдырев и Тараканов превратились в людей совершенно неизвестной профессии. С такими лбами и инструментами они могли сойти за монтеров и за слесарей, за специалистов по устройству колодцев, за разжалованных трактористов, за строителей придорожных коровников.

– Будем просто пильщиками, – сказал капитан Болдырев.

– Кому дрова пилить-колоть? – вскричал старшина, вылезая из машины.

С таким призывом вошли они и в деревню Глухово. Призыв долго оставался без ответа.

– Эй, да что вы, радетели, – заметила бабуся, сидящая под рябиной, – у нас все дрова давно поколены.

– У меня самого пила «Дружба», – добавил кнотовидный какой-то человек, который вёз на тележке мешок с хлебом. – Очень вы нам нужны!

На это и делали свой тонкий расчёт старшина с капитаном. Они вовсе не собирались пилить дрова, пила и топор были маскировочным материалом.

– Извините, гражданин колхозник, – сказал старшина кнотовидному мужчине, – а нам один человек из вашей деревни, по прозвищу Хрипун, сказал, что наша работа нужна. Где он живёт, Хрипун-то этот?

Так разумненько и осторожно старшина выведывал адрес Хрипуна. Кнутовидный остановил тележку, внимательно оглядел пильщика.

– Ах, вон ты чего, милоч! Хрипуна ищешь? Так Хрипун-то – это я!

Капитан замер от ярости. Ему казалось, что старшина слишком уж прямо, слишком в лоб вёл свои расспросы, и вот – на тебе! Попал в десятку. Капитан отвернулся в сторону, дескать, теперь уж, товарищ старшина, выпутывайтесь сами.

Старшина между тем ни секунды не растерялся. Он заулыбался, закрутил усы, закричал радостно:

– Хрипун! Хрипунице! Золотой ты мой человечисце! Здорово! Как же я тебя раньше не признал? Дэ это всё твоя кепка проклятая! Под кепкой я тебя и не признал! Хрипуца, золото моё! А я ведь приехал тебе дрова пилить, помнишь, ты прошлый год наказывал?

Тут старшина бросил пилу на землю и стал обнимать Хрипуна.

– Чего тебе надо? Чего надо? – отбивался Хрипун. – Первый раз вижу! Отойди, не целуй меня! Мне противно!

– Ах, вон ты как! – орал на всю деревню Тараканов. – Сам звал в гости, а теперь от ворот поворот?!

– Где? Где? Где? – отбивался Хрипун. – Где я тебя звал?

– В пивной. Хрипун-голуба, в пивной в Картошине!

На все эти крики и разговоры из соседних палисадников стали объявляться колхозники и чужие люди. Разинув рты, они издали слушали и шушукались.

– Я не хожу в пивные! Не хожу! – орал Хрипун.

– Не ври, не ври! Ещё креветок брали! Эх ты, а ещё Хрипун! Сам звал в гости дрова пилить. А я-то дурак с другом приехал с ка... с капи... с Капитоном! Вот, Капитоша, как Хрипун друзей встречает! Что же ты, Хрипун? Угостил бы хоть помидорчиками маринованными!

Капитан Болдырев понял, что пора поддерживать старшину, который обижался на Хрипуна всё сильнее. Он подошёл поближе к Хрипуну, обнял его и строго поцеловал в губы.

– Здорово, Хрипун, – сказал он, обтираясь рукавом телогрейки.

– И этот целуется! – отпихивал его Хрипун. – Что вам нужно? Дрова пилить? Ладно, идите за мной.

Он прокатил тележку по улице, свернул в проулок, отворотил ворота, завёл капитана со старшиною куда-то за сарай, за которым валялись два длинных и корявых берёзовых бревна.

– Дрова хотели пилить? – сказал он. – Вот вам дрова!
Пилите, гады!

Глава одиннадцатая

«РАЗРЕШАЕМ ОТКРЫТЬ ЛЮК»

Не взяли Васю в деревню, не взяли.

– Да поймите же! – укорял капитана Куролесов. – Пахан меня увидит – с ума сойдёт от ужаса. Он ведь меня убил, а я как новенький.

– Убьёт во второй раз. И не дрогнет. Так что жди в машине. Надо будет – позовём.

Вася маялся на заднем сиденье. Басилов снова накрылся газетой и заснул. От его храпения газета приподнималась, и Вася тогда видел заголовок какой-то статьи: «Разрешаем открыть люк». Что это был за люк, прочитать не удавалось.

Из машины виднелась деревня, и особенно крайний дом, над которым торчала такая длинная антенна, как будто хозяин принимал волны из Рио-де-Жанейро. Странно, что антенну до сих пор не сломал ветер.

Длина антенны нагоняла на Васю далёкие мысли. Он снова вспоминал выстрел и погреб, особенно Шурочку. Часть облака, которую он увёз с собой, маячила над машиной, но Вася облака не видел, он его только чувствовал.

«Какая хорошая девушка, – вспоминал Вася, – самостоятельная, огурцы солёные любит».

Вася долго ещё думал о Шурочке, и все его мысли как-то крутились около фразы: «Самостоятельная, огурцы любит».

Вася вспоминал бурьян и поцелуи, снова чувствовал в своих объятьях приятный холодок эмалированного бака. Он мечтал, а шофёр Басилов храпел, показывая время от времени крупные чёрные слова на газете: «Разрешаем открыть люк».

«Неизвестно, какой люк, – думал Вася, – но хорошо, что разрешают открыть. Но вообще-то жизнь – штука сложная, и куда тут открыть люк: в сторону милиции или тракторизма? Неясно».

Вася долго ещё думал про Люк личной жизни, потом хотел немного подумать, как Шурочка любит огурцы, но не стал, потому что при чём же здесь огурцы? Важно, чтоб была хорошая душа, а уж если хорошая душа – она огурцы солёные обязательно любит.

В машину залетела пчела. Басилов спал, а Вася ловил пчелу. Поймал, выпустил в форточку, и вдруг его неудержимо потянуло на улицу. Он даже не мог понять, что такое его тянет и куда. А это тянуло облако, которому надоело одиноко болтаться над брезентовой крышей автомобиля.

Вася приоткрыл дверцу, выбрался на улицу, и облако подпорхнуло к нему, окутало голову. И облаку и Васе полегчало.

Куролесов прошёлся, промялся, глянул на деревню и вздрогнул. Он увидел, что антенна у крайнего дома закачалась и вдруг рухнула на землю, переломившись пополам. Только после этого донёсся из деревни выстрел.

Облако заволновалось, потянуло Васю в сторону. Он прыгнул в придорожную канаву, заросшую бурьяном, и затаился.

Глава двенадцатая

ПИЛЕНИЕ БЕРЁЗЫ

Приходилось пилить.

Они выкатили берёзу из-под навеса, приладились и начали.

Хрипун с минуту поглядел на них, взял топор, потрогал большим пальцем лезвие и сказал:

– Туповат. Пойду на бруске поточу.

Он завернул за угол сарая с топором и тележкой, слышно было, как в доме хлопнула дверь.

– Точно попали, – сказал старшина. – Пойдём за ним, вроде бы воды попить.

– Чтоб воды попить – надо попилить немного, вспотеть.

– Я уже вспотел, пока с этим дубом целовался.

– Тьфу! Что за пила? Не пилит.

– Да вы не дёргайте, товарищ капитан! А пила как пила – вещественное доказательство. Помните? Кража в хозмаге.

– Тупая! Неразведённая!

– Да вы не дёргайте! Пилите мягче!

Из-за сарая между тем вышла какая-то баба и остановилась, глядя на пильщиков.

– Баба какая-то, – шепнул старшина. – Пилите, пилите, товарищ капитан! Баба смотрит! Да вы не дёргайте!

– Сам не дёргай! – сквозь зубы прошипел капитан.

– Извините, товарищ капитан. Не ругайтесь. Баба смотрит. Наверно, хозяйка Хрипуна.

Постояв минутку, баба скрылась за углом.

– Ей понравилось, как мы пилим, – сказал старшина. – Я видел на её лице удовольствие. Ладно, хорош. Пошли воду пить. На месте ориентируемся. Главное – взять Пахана врасплох.

Однако ориентироваться им пришлось, не сходя с места. Из-за сарая снова вышла баба, на лице которой было написано удовольствие, а с нею другая. У другой на лице удовольствия не было.

Увидев пиление берёзы, она вдруг закричала:

– А-а-а! Кто? Не дам!

Тут она подлетела к старшине Тараканову и схватила его за усы.

– Не дам! Не твоё! – как сумасшедшая орала она. – Не имеешь права! Ты её сажал? Ты её валил? Не твоё! Не дам берёзу пилить!

На этот крик из-за сарая повалили мужики и бабы.

– Позволь, хозяйка! – орал старшина. – Нам хозяин велел пилить. Хрипун. Пошёл топор точить.

– Не да-а-а-ам! Не твоё! Не тронь, усатая морда!

– Где Хрипун? Где Хрипун? – орал старшина, отбиваясь от наскоков.

– Ну я Хрипун, – сказал низкорослый с одним глазом дядя, выходя из толпы. – В чём дело?

– Ты Хрипун? – растерялся старшина. – А где другой Хрипун?

– Это какой другой? Лёшка, что ли?

– Ну я Лёшка Хрипун, – сказал новый Хрипун, вылезая из-за поломанной телеги.

– Да что вы, все, что ль, здесь Хрипуны? А где Хрипун, что хлеб на тележке вёз?

– Да это дядя Митяй! Третий дом по красному посаду.

Тут вся толпа, дёргая старшину и капитана за локти, повалила вдоль красного посада. Какие-то шавчонки гавкали и вертелись под ногами, галдели Хрипуны, и баба орала про берёзу:

– Не имеешь права мою берёзу пилить! Не сажал!

Добежав до третьего дома, хозяйка берёзы взлетела на крыльцо и принялась колошматить в дверь.

– Выходи, Митяй! – колотилась она. – Выходи! Поговорим про берёзу!

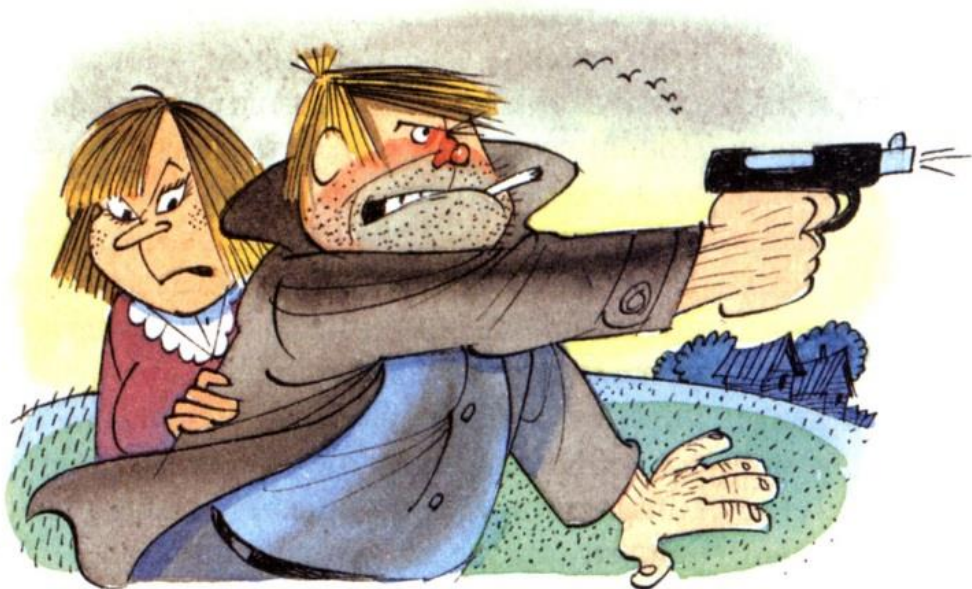
Дверь распахнулась, и на крыльцо вылетела толстая тётка в галошах на босу ногу. Она скрестила руки на груди и закричала с места в карьер:

– А ты мне всю усадьбу истоптала!

И в этот момент, когда всё внимание толпы переключилось на крыльцо, капитан дёрнул старшину за рукав, они нырнули в щель между баней и забором и тут же увидели за баней две фигуры, которые крадучись бежали к скотному двору.

– Стой! – крикнул капитан.

И тут одна фигура поворотила к ним квадратную свою будку, приложила к носу чёрную фигу. Из фиги блеснуло громом, грохнуло огнём, и раздался выстрел.

Пуля ударила в пилу. Пила взвизгнула, а пуля дьявольским рикошетом ринулась на край деревни и перешибла известную нам телевизионную антенну.

БАСИЛОВ

Вася видел из бурьяна, как по дороге мчатся к машине два человека. Он сразу узнал Квадратную Будку, за которым скакала Зинка.

Шофёр Басилов по-прежнему спал под разрешением открыть люк. Добежав до машины, Пахан тут же принялся стучать в стекло. Басилов недовольно снял с носа газету:

– Чего такое?

– Подвези до парома! До парома подвези! Даю трёшку!

– Сколько?

– Пятёрку.

Басилов развернул газету и накрыл люком нос.

– Червонец даю, слышишь?

– А на бензин? – спросил Басилов из-под газеты.

– На бензин прибавим.

– Ну ладно, ладно, – сразу засуетился Басилов, скидывая газету. – Скорей, скорей, а то меня начальство заругает. Быстро! Ну!

Пахан, а за ним Зинка залезли пихаясь в машину. Басилов нажал на педаль, поддал газу, взревел, развернулся, и, вздымая пыль, двусторонняя машина рванула в сторону канала Москва-Клязьма.

Вася не знал, что и делать. В первый момент он хотел прыгать из бурьяна Пахану на загривок, но пока прицеливался, машина умчалась. Пыль, только пыль стелилась над дорогой. Впрочем, не успела пыль улечься, как поднялись новые клубы, и чудесная двусторонняя машина примчалась обратно. Басилов поставил её точно на то же место, достал газету, накрыл нос и сразу заснул.

Со стороны деревни тем временем послышался гул. На дороге показались два человека, которые стремглав неслись к машине. За ними валила толпа народа, доносились крики:

– Держи пильщиков!

Капитан подлетел к машине, стукнул в стекло.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – вскричал шофёр, роня газету.

– Где Куролесов?

– Здесь я, здесь!

– Скорей в машину! Быстро! Быстро! Разворачивайся!

Пыльная толпа надвигалась. Впереди бежала низенькая старушонка, которая кричала:

– Не дам берёзу пилить!

– Гони! – крикнул старшина, и двусторонняя машина прянула от толпы.

Надоедливая старушонка всё-таки догнала машину, стукнула кулачком в заднее стекло.

– Ты её сажал? – кричала она.

– Плохи дела, Вася, – задыхаясь рассказывал капитан, пока Басилов с трудом отрывал машину от старушонки. – Упустили.

– Да я их видал, – сказал Вася.

– Где?

– Да тут неподалёку. Но не стал с ними связываться. Вы сами не велели.

– Куда же они делись?

– Куда-куда?? – зевнул Басилов. – Я их и подвёз. Попросились до парома, вон до канала Москва-Клязьма, три километра.

– На госбензине?! – вскричал Тараканов. – На госбензине бандитов возишь?

– А мне что? Время у меня было. Пассажир есть пассажир, а на бензин они мне дали.

– Под суд пойдёшь, – спокойно пояснил капитан Болдырев. – Гони! К парому!

– «Под суд, под суд...» – ворчал Басилов. – За что? У меня время свободное, почему бы и не подзаработать? Пассажир есть пассажир, лишь бы платил хорошо и на

бензин добавлял. А чего мне, стреляться с ними? У меня и пистолета нет. У Васьки тоже.

– Гони! – кричал капитан.

– Пассажир есть пассажир, – бубнил Басилов. – Довёз до парома, там и ссадил. Ну, рассчитались, всё честь по чести, но и я лишнего не просил. Ну, на бензин добавили, стали парома ждать.

– Так они уже на другом берегу! – кричал Тараканов.

– Вряд ли, – сказал Басилов. – Я на всякий случай канат перегрыз.

– Какой канат?

– Паромный.

– Как перегрыз? Зубами, что ли?

– Зачем зубами? – обиделся Басилов. – Напильником.

Глава четырнадцатая

ТЕЛО В КАНАЛЕ

Про этот канал рассказывали, что его решил построить ещё царь Пётр Первый, который затеял снабдить Москву водою из Клязьмы, а уж Клязьму – московскими товарами.

Но всё это было вранье и искажение исторической правды. Строил этот канал действительно Пётр, но не Первый, а Перлов – директор заготовительной конторы.

Строить его он начал собственными силами прямо от порога конторы. Налево – канал шёл к речке Клязьме, направо – к Москве.

К сожалению, канал не дотянулся ни до Москвы, ни до Клязьмы, Петра Перлова уволили, а кусок канала так и остался лежать на земле.

– Паромщик! Паромщик! – кричали два человека, бегая по бетонному берегу канала.

– Канат лопнул! – сварливо отвечал паромщик с того берега. – Ждите починки.

Когда зафырчал, заревел сзади Газон, Пахан и Зинка кинулись к машине, на которой приехали. Теперь только Басилов мог их выручить.

– Ложись! Все на дно! – приказал капитан. – Басилов, работай!

– Какая уж тут работа? – ворчал Басилов. – Сейчас кокнут – и вся работа. Зачем, дурак, канат перегрыз?

Машина стала, и Квадратная Будка подскакала к окошку.

– Четвертак! – задыхаясь крикнул Пахан. – Четвертак до Картошина.

– Мало, – зевнул Басилов и прикрыл нос газетой.

– На бензин прибавим.

– Да что вы там прибавите? – твердил Басилов, не высовывая из-под газеты носа. – Прибавят рубль и уже орут: мы прибавили, мы прибавили. Мало. Ясно?

– Червонец добавим! – закричал Пахан.

– Деньги вперёд, – сказал Басилов и откуда-то из-под газеты высунул стакан, который оказался почему-то у него под рукой. – Ложи в стакан.

Пахан полез в карман, достал какие-то рубли, стал пересчитывать, и тут капитан со старшиною выскочили из машины и навалились на него.

Вася замешкался. Ему надо было вывести из строя Зинку, но как это сделать? За руки, что ль, её хватать?! К тому же свербила мысль, что это мамаша Шурочки.

– Ложись, Зинка! – крикнул он. – Ложись! Мы с Шурочкой обо всём договорились!

– Чего? – крикнула Зинка. – Кто?! Ты?

– Ложись! Не лезь в это дело!

Но Зинка в дело влезла немедленно. Она ударила Васе под дых, кинулась к капитану и укусила его за коленку. Капитан ослабил хватку, и Пахан вырвался. Не раздумывая ни секунды, одним махом, прямо с бетонного берега он прыгнул в канал.

Его огромное чёрное тело упало в воду, как куб угля, и сразу пошло на дно.

Долетев до дна, Пахан коснулся его ногами и дико толкнулся вперёд и вверх, вынырнул, глотнул воздуха и снова углем рухнул на дно. Он, оказывается, совсем не умел плавать и так, огромными прыжками отталкиваясь ото дна, передвигался на другой берег.

Напрасно капитан и старшина пытались стрелять. Угадать, где в другой раз выпрыгнет он из воды, было невозможно. То там, то сям выныривала вдруг моржовая рожа, фыркала и ухала на дно.

И тут новое тело, не раздеваясь, плюхнулось в канал. Это было тело Васи Куролесова.

ВТОРОЕ УБИЙСТВО

Мокрый и дрожащий, в пиджаке, с которого текло, босиком – ботинки остались на том берегу – Вася сидел в ольховом кусту, поджидая Пахана.

Моржовая будка допрыгала тем временем до берега. Чертыхаясь, на четвереньках Пахан пополз по бетонной плите наверх, к лесу. Он полз, полз прямо к тому кусту, в котором таился Куролесов.

И Вася выступил навстречу, подняв к небу мокрые кулаки.

– У-у-у-у... – дрожал он. – У-у-у-убийца! Это ты убил меня и завалил брюквой? Ты? Отдай мои часики!

– Чего? – потрясённо спросил Пахан, протирая ладонью нефтяные очи. – Кто убил?

– Ты, Пахан-собака, ты убил и брюквой завалил. Отдай мои часики! О, как мне холодно под брюквой, холодно мне... Отдай часы с музыкой!

Вася синел и зеленел прямо на глазах, только нос его оставался по-прежнему седым и лиловым. А над головой Куролесова маячило облако, которое тоже синело, зеленело и дрожало, пугая Пахана.

– Зачем ты убил меня, Пахан? Ведь я же хороший. Я ведь был от Фомича, а ты меня убил, и пуля попала в сердце. На, гляди, что ты наделал. – Тут Вася задрал рубашу и показал свой синий живот и совершенно целое сердце. – У-у-у-у! Убийца ты, Пахан! Каин, зачем ты убил брата своего, Авеля?

У Васи, кажется, начинался настоящий бред:

– А потом пришёл Мишка и сказал, что морковь слаще, а папа ударил Петю, потому что Басилов только думает на бензин, когда уже звёздочки взошли...

Облако совершенно возмутилось. Оно в первый раз

слышало про убийство, потому что зародилось немного позднее. Услышав такое, оно отодвинулось подальше, заволновалось, забурлило и, разогнавшись, изо всей силы въехало Пахану в лоб.

Пахан зашатался.

Удар получился не такой сильный, вроде как диванной подушкой, но сам факт – облако, бьющее по лбу, – потряс Пахана. И действительно, видывали мы перистые облака, видывали кучевые.

Облако дерущееся – это был первый случай в отечественном облаковедении.

– Облака на меня напускаешь? – прохрипел Пахан, признавая, наконец, Васю. – Я тебя убил один раз, но полагается дважды.

Он выхватил пистолет и... но пистолет не выхватился. Пахан шарил в мокром кармане.

– Где? Где пушка? – хватался он за пиджак. – Утопла? Пушка утопла!

Да, дорогие читатели, пушка утопла во время адских подводных прыжков, вывалилась из кармана и растворилась в солоноватых водах канала Москва-Клязьма.

– Холодно мне, Пахан, – говорил Вася, икая. – Дай мне горячей брюквы, согрей мне ноги шерстью барса. Спасибо, что ты меня убиваешь во второй раз, дай я обниму тебя.

И Вася пошёл к нему, жалобно улыбаясь и протягивая скрюченные пальцы.

Пахан попятился.

В этот самый момент облако разогналось посильнее и только хотело ударить пыльной подушкой, как из кустов выскочила рыжая собачонка маленького роста. Это был Матрос, который вырвался, наконец, из тюремного заключения. Не раздумывая ни секунды, Матрос вцепился Пахану в зад, а облако грохнуло по макушке.

Отбиваясь от облака, стряхивая со штанов Матроса,

Пахан пятился назад, к каналу, из вод которого торчали, между прочим, ещё четыре руки, в которых жители деревни Глухово легко опознали бы руки, пилившие берёзу.

ЭПИЛОГ

До чего же надоел Куролесову преступный мир со всеми его засадами, погонями, выстрелами!

«Хватит, – думал Вася, отправляясь на электричке в деревню Сычи. – Останусь трактористом, женюсь на Шурочке, станем поросят держать».

Облако Васино летело за ним над электричкой и радовалось, что Вася решил остаться трактористом. Особенно почему-то нравилось облаку, что Вася с Шурочкой станут держать поросят.

Пару недель поработал Вася в колхозе и стал просить отгул. Отгула ему не дали, и Вася, тоскуя, стал писать в Картошин письмо:

«Здравствуй дорогая Саша!

Отгула мне не дали. А как дадут, я сразу приеду. А сейчас отгула никак не дают. Когда дадут отгул, я сразу приеду, а без отгула приехать не могу, потому что нельзя ехать, раз отгула нету. Не дадим, говорят, отгула, и вот я всё жду, а отгула всё нет и нет. Если б был отгул, разве же б я сидел? Плохо мне, Саша, без отгула...»

Здесь Вася приостановился, задумался, о чём бы ещё написать. Да чего писать, раз отгула нету? Надо кончать письмо и написать, что он ждёт ответа. Но как он ждёт? С какой силой? Он долго думал и так закончил: «Жду ответа, как тёмное царство луча света».

Вася отправил письмо, и не успело оно ещё доехать до города Картошина, как ему дали отгул. Вася взял отгул, захватил ещё мешок картошки в подарок и поехал в город Картошин. За ним увязался Матрос и, конечно, облако.

Вася легко разыскал улицу Сергеева-Ценского, дом 8, стукнул в дверь.

– Саша! Здравствуй! Вот и я, наконец! А это тебе мешок картошки в подарок!

– Вася! – обрадовалась Шурочка. – Заходи! Заходи! Помнишь, как мы с тобой целовались?

– Конечно, помню, – сурово отвечал Куролесов. – Как такое забыть? Огурцы-то ещё не все съела?

– Кажется, один огурец остался!

Вася прошёл в комнату, и облако шмыгнуло за ним, а Матрос остался на крыльце.

В комнате было уютно, а на диване сидел человек в синих носках, который хрумкал каким-то огурцом. Облако заволновалось.

– Познакомься, Вася, это мой муж Николай Иванович, тоже огурцы любит. Кажется, он и съел последний огурец. Коль, ты что, последний съел?

– Слушай, Шурк, – сказал Николай Иванович, – жрать охота, а, кроме огурцов, в доме нет ничего.

– Как это нет?! Вон Вася мешок картошки привёз!

– Неужто? – закричал Николай Иванович и подскочил от счастья на диване. – Давай сварим скорее в мундире! Вася, милый, садись на диван.

– Спасибо, спасибо, – солидно говорил Куролесов. – А я думаю: дай зайду, погляжу, как Шурочка живёт, картошечки подброшу.

Пока Васю усаживали да варили картошку, облако поболталось по комнате, отыскивая свою вторую половину, но ничего не нашло и вылетело через форточку на улицу. Тут оно и улеглось на крыльце рядом с Матросом.

– Вася! Приезжай к нам ещё! – требовал Николай Иванович, поедая уже сваренную картошку. – Мы с Шурочкой гостей любим.

– Слушай, Саша, – сказал Вася, – а как насчёт облака? Ну, помнишь, которое раздвоилось?

– А я его засушила и положила в книгу. Вроде как цветок.

– В какую ещё книгу?

– «Приключения Васи Куролесова». Читал?

– Просматривал. А моё облако ещё дышит и летает.

– Ну, Васёк, ты тоже неправ. Я долго ждала, облако и засохло.

– Какое ещё облако? – требовал пояснений Николай Иванович. – Ешьте картошку, черти! Вкусная!

– Синеглазка, – отвечал Вася. – Ну, я пошёл, мне надо ещё в магазин «Канцтовары».

Шурочка вышла проводить его на крыльцо.

– А нашу улицу переименовывают, – сказала она. – Вместо Сергеева-Ценского будет просто Сергеева, тоже писатель такой есть. Леонид.

– И в Карманове переименовывают, – сказал Вася. – Там будет просто Ценского. Правда, такого писателя, кажется, ещё нету.

– Будет! – торжественно сказала Шурочка.

– А бак-то где? – спросил Вася. – Где бак из-под огурцов?

– А мы в нём теперь бельё мочим.

– Вот здорово! – сказал Вася и засмеялся.

Так, смеясь над баком, он и расстался с Шурочкой и пошёл по городу Картошину. Хороший был, между прочим, город. Акации! Шиповник! Каланча! Ого! Здесь можно жить!

Так и шёл Вася по городу Картошину, а над ним плыло его облако, и бежал за пятками Матрос.

«А может, всё-таки в милицию? – думал Куролесов. – Пойти и отдаться в руки капитану! Ладно, дай хоть взгляну ненадолго в Карманов».

Вася вышел на дорогу, по которой мчались машины и велосипеды, и зашагал по обочине к городу Карманову, но, к удивлению, он попал под вечер в город Курск.

Чего никак не скажешь про нашего любимого гражданина Лошакова.

Он-то как раз подходил к городу Карманову, только с другой стороны.

Серия «Школьная библиотека»

Коваль Юрий Иосифович

КУРОЛЕСОВ И МАТРОС ПОДКЛЮЧАЮТСЯ

*Книжное литературно-художественное издание
для детей среднего школьного возраста*

Художник

Чижиков Виктор Александрович

Подписано в печать 23.01.2017.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. п. л. 7.

Гарнитура «Ньютон».

Тираж 16 000 экз. Заказ № 3267.

ООО «Самовар-книги»

125047, Москва, ул. Александра Невского, д. 1.

Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»

(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: www.books-land.ru

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат
детской литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822)44-85-98. Факс: +7(4822)44-61-51.

Артикул К-ШБ-33
ISBN 978-5-9781-1106-4
Сделано в России

© Ю.И.Коваль, наследники, текст.
© В.А.Чижиков, иллюстрации.
© ООО «Самовар-книги»,
серийное оформление.

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Виктор Чижиков

9 785978 111064 >